

ВОСТОК–ЗАПАД: КОНТАКТЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ EAST AND WEST: CONTACTS AND CONTRADICTIONS

DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-2-123-156

Научная статья / Research article

Цели монгольских захватчиков согласно европейским источникам середины XIII в. Часть 1

Ю.И. Дробышев

Институт востоковедения РАН,
107031, Российская Федерация, Москва, ул. Рождественка, д. 12
altanus@mail.ru

Аннотация. Середина XIII века – апогей могущества единой Монгольской империи. В 1241–1242 гг. происходит первое, самое кровавое и разрушительное вторжение монголов в Европу. Разумеется, для европейцев жизненно важным было найти ответ на вопрос: чего хотели захватчики, какие цели они преследовали? В данной статье автор показывает, что, ввиду обилия противоречивой информации и острой нехватки на первых порах объективного понимания нового врага, европейские политические и церковные деятели приписывали монголам множество целей (не менее восемнадцати!), из которых полностью подтвердились лишь три – нападение на Русь, Польшу и Венгрию, а остальные либо не были по каким-либо причинам реализованы, либо возникли в умах самих европейцев. Все эти «цели», выявленные в различных официальных и неофициальных европейских источниках, преимущественно датируемых серединой XIII в., обсуждаются с учетом информации синхронных восточных источников. Несмотря на широко известные идеи «мироустроительной монархии», возможно, на самом деле вынашивавшиеся монгольскими ханами, события в Европе позволяют предполагать, что их главной целью там было наказание венгерского короля Бела IV, отказавшегося выдать монголам скрывавшихся в Венгрии половцев.

Ключевые слова: европейские источники, XIII век, Монгольская империя, цели монголов

История статьи: Поступила в редакцию: 26.11.2020. Принята к публикации: 05.02.2021.

Для цитирования: Дробышев Ю.И. Цели монгольских захватчиков согласно европейским источникам середины XIII в. Часть 1 // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2021. Т. 13. № 2. С. 123–156. DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-2-123-156

© Дробышев Ю.И., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

The goals of the Mongol invaders according to European sources of the middle of the XIII century Part 1

Yu.I. Drobyshev

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences,
12 Rozhdestvenka str., Moscow, Russia, 107031
altanus@mail.ru

Abstract. The middle of the XIII century – the apogee of power of the unified Mongol Empire. In 1241–1242, the first, bloodiest and most destructive Mongol invasion into Europe took place. Certainly, it was vital for the Europeans to find an answer to the question: what did the invaders want, what goals did they pursue? In this article, the author shows that, due to the abundance of contradictory information and the acute lack of an objective understanding of the new enemy at first, European political and ecclesiastical figures attributed many goals to the Mongols (at least eighteen!), of which only three were fully confirmed – an attack on Russia, Poland, and Hungary, and the rest were either not realized for some reason, or arose in minds of the Europeans themselves. All these “goals”, identified in various official and unofficial European sources, mainly dating from the middle of the XIII century, are discussed here taking into account information from synchronous Eastern sources. Despite well-known ideas of a “world-building monarchy”, perhaps actually hatched by the Mongol khans, events in Europe suggest that their main goal there was to punish the Hungarian king Bela IV, who refused to hand over the Polovtsians hiding in Hungary to the Mongols.

Keywords: European sources, XIII century, Mongol Empire, Mongol goals

Article history: Received: 26.11.2020. Accepted: 05.02.2021.

For citation: Drobyshev Yu.I. The goals of the Mongol invaders according to European sources of the middle of the XIII century. Part 1. *RUDN Journal of World History*. 2021; Vol. 13(2):123–156. DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-2-123-156

Введение

Исторические произведения эпохи монгольских завоеваний пестрят заявлениями о планах монголов по завоеванию всего мира¹. Казалось бы, подобные суждения вполне справедливы. Тщательный анализ сведений о монголах, сохранившихся в широком спектре средневековых источников, написанных на разных языках, позволил ученым установить как достоверный факт, что датой возникновения «монгольского империализма» следует считать 1235 г., когда на большом собрании монгольской знати под верховенством хагана Угэдэя (1229–1241) было принято решение о покорении всей земли. Однако не менее хорошо известно, что монгольская военная машина пришла в движение за три

---

¹ По нашему мнению, следующее замечание Т. Оллсена, сделанное еще в 1983 г., поныне не утратило своей актуальности (что в том числе подтверждается и опубликованием русского перевода его статьи четверть века спустя): «Монгольские завоевания часто анализируются исключительно с точки зрения их влияния на покоренные народы; при этом явно недостаточное внимание уделяется принципиально важному вопросу о мотивах и целях действий монголов» [1. С. 351].

десятилетия до этого – в 1205 г., с первым походом во внешний для кочевников мир – на тангутское государство Си Ся (1032–1227). Еще при жизни Чингис-хана (1162?–1227) были пройдены огнем и мечом огромные территории от Северного Китая до Крыма, хотя на первых порах не все эти земли остались под прочной монгольской властью. Симптоматично, что кочевники не пошли военным маршем на юг Китая или, тем более, к берегам Северного Ледовитого океана. Вместо этого они отправились по проторенным задолго до них хунну и тюрками степным дорогам на запад за тысячи километров от своей родины – туда, где на трассах древнего Шелкового пути их ожидала богатая добыча, а привычная природная среда облегчала продвижение. В те же годы католическая Европа активизировала прозелитическую деятельность на восточном направлении, охватывая остававшиеся языческими народы Балтики и нацеливаясь на православную Русь, а также смогла организовать Пятый крестовый поход (1217–1221), ввиду чего конфликт двух цивилизаций становился неизбежным.

Интерес европейцев к незнакомому восточному народу, который, по слухам, шел из глубин Азии на помощь освободителям Гроба Господня под водительством пресвитера Иоанна, сына царя Индии Давида, вспыхнул в 1221 г., но в наши задачи не входит обсуждение этого раннего, изобилующего ошибочными интерпретациями этапа. В 1223 г. папа римский Гонорий III (1216–1227) получил письма о первом столкновении грузин с монголами от грузинской царицы Русудан (1223–1245) и *амирспасалара* (главнокомандующего грузинским войском) Иванэ Закарьяна (Мхаргрдзели) (?–1227). Информация о побоище на Калке в 1223 г. и его непосредственных последствиях тоже попала в Европу, хотя, похоже, какой-либо связи между событиями в южно-русских степях и на Ближнем Востоке там еще не видели. Первые достоверные сведения о монголах принес венгерский доминиканец брат Юлиан по итогам своих путешествий в 1234–1235 и 1237 гг.; в 1237–1238 гг. уже фиксируются монгольские ультиматумы европейским правителям², а в начале 1241 г. монгольская конница вторгается в Польшу и Венгрию, после чего информация о монголах нарастает лавинообразно и находит отражение в большом числе различных источников: официальной и частной корреспонденции, исторических сочинениях, папских буллах, королевских хартиях, отчетах дипломатических и религиозных миссий, научных трактатах. Полагаем, что введенных к настоящему времени в широкий научный оборот средневековых европейских источников вполне достаточно для репрезентативной выборки, адекватно отражающей настроения европейского общества, оказавшегося перед лицом монгольской угрозы, а также предоставляющей обильный материал о намерениях монголов в отношении Европы. В центре нашего внимания – начальный, наиболее драматичный период монголо-европейского взаимодействия, пришедшийся на время максимального могущества единой

² По крайней мере, известно о письмах с требованием подчиниться венгерскому королю Беле IV (1235–1270) и императору Священной Римской империи Фридриху II Гогенштауфену (1220–1250), авторство которых дискуссионно, хотя чаще исследователи относят их на счет внука Чингис-хана Бату (1227–1255).

Монгольской империи. Вместе с тем замысел работы потребовал обращения к некоторым более поздним сочинениям.

Непосредственным и по-видимому самым точным источником сведений о целях монголов были официальные послания их правителей монархам Европы и папе римскому. Монгольские хаганы требовали безоговорочного подчинения и подкрепляли свое требование ссылками на волю Вечного Неба, давшего всю землю монголам во владение. В зависимости от адресата степное понятие о верховной сущности облекалось в различные формы, привычные ожидавшим нападения народам; в случае европейцев это был, конечно, Господь Бог (*Deus*). В обмен на немедленную покорность монголы обещали подарить народам мир и благоденствие. Казалось бы, этой информации должно быть достаточно для весомых выводов. Однако считать на этом основании вопрос решенным преждевременно. Как минимум, глобальная цель подчинения «всей вселенной» включала целый спектр конкретных задач, часть которых к тому же существовала только в воображении самих европейцев, но запечатлелась в их сочинениях. Кроме того, представления о пределах ойкумены вовсе не должны были совпадать (и далеко не совпадали!) у центрально-азиатских номадов и европейских схоластов.

Информация о замыслах завоевателей чрезвычайно разнопланова. Она исходила и от них самих и от других народов, оказавшихся на их пути, соответственно чему в источниках можно найти как ссылки на слова самих монголов относительно их целей, так и в большей или меньшей мере обоснованные мнения различных лиц о планах монголов. Даже при беглом взгляде на эти свидетельства становится очевидным различие в масштабах: когда европейцы ссылаются на монголов, речь идет о покорении всего мира, а когда они излагают собственные суждения о планах номадов, цель чаще всего суживается до пределов Европы, да и то, вероятно, не всей. Кроме того, встречаются высказывания, четко привязанные к событиям 1241–1242 гг., и есть информация о предыстории монгольского вторжения на Запад.

Учитывая напряженную обстановку в самой Европе, во многом связанную с конфронтацией Рима и Фридриха II, одним из следствий чего явились упорные слухи о тайных переговорах последнего с монголами³, следует учитывать, кто высказывал мнения о целях монголов, и какие цели при этом преследовал сам рассказчик. Фридрих II мог использовать (и, действительно, использовал) сложившуюся ситуацию для обвинения папы римского в бездействии и нежелании прийти на выручку христианским братьям в Венгрии, и тем самым привлечь сторонников в антипапскую коалицию. Бела IV, скорее всего, стремился запугать монгольским вторжением папу римского и европейских монархов, чтобы получить от них военную помощь. Менее заметные политические фигуры делились опасениями, предупреждали о грозящих

---

³ На этом основании могло сложиться ошибочное мнение об отсутствии у монголов собственных интересов в Европе и, соответственно, о каком-либо целеполагании на Западе. Аргументацию в пользу версии о тайных сношениях Фридриха II с монголами см. в: [2. С. 68–94, 3. С. 21–50].

бедствиях и пытались найти объяснение, в том числе теологическое, появлению нового врага.

В данной статье мы не планируем дать исчерпывающий ответ на вопрос, чего же хотели монголы достичь «на самом деле», хотя и не можем обойти его полным молчанием. Обзор современных мнений о монгольских замыслах также не входит в наши задачи. Свою основную задачу мы видим в том, чтобы продемонстрировать разнообразие целей, которые были приписаны монголам европейцами в середине XIII в., что должно не только поспособствовать уточнению монгольской стратегии той эпохи, но и пролить дополнительный свет на особенности восприятия жителями Запада этого нового врага.

Рождение идеи мирового господства

Европейские источники редко сообщают о времени, когда мысль о подчинении всего мира якобы овладела монголами. Тем не менее, из них можно извлечь сведения, по меньшей мере, о трех таких моментах: 1) после выхода монголов из-за неких гор, 2) после их победы над Ван-ханом (Он-ханом, Тогорилом), якобы царствовавшим в Индии, 3) после их громких побед в Хорасане (1222 г.).

1) Идея о некоем крайне стесненном положении, в котором когда-то давно находились монголы, приобретала в западных и восточных источниках разные формы: от подчинения другим народам до пребывания в замкнутом горами пространстве. Так, одна из историй восхождения Чингис-хана к вершинам власти, не называя Ван-хана или царя Давида, сообщает о длительном подчинении монголов соседним народам, пока, наконец, простой кузнец Чингис не сплотил вокруг себя людей и не сбросил это иго. По словам доминиканского миссионера и путешественника Рикколько да Монтекроче (ок. 1243–1320), монголы были заблокированы среди гор и с большими усилиями выбрались на простор, где их немедленно посетило желание мирового господства: «Выйдя же из гор, тартары сразу же стали советоваться о том, каким образом они могли бы подчинить себе весь мир. И сказал великий хан по имени Чингиз-хан: „Вам не достает только двух вещей, а именно, повиновения правителю и согласия между собой“» [4. С. 153]. В этой истории можно видеть монгольскую легенду о выходе предков монголов из горной теснины Эргунэ-Кун, подробно изложенную государственным деятелем и историком при дворе ильханов Рашид ад-Дином (1247–1318) [5. С. 153–155], но европейцам это сообщение напоминало о «нечистых народах», запертых Александром Македонским за Железными воротами и вырвавшихся оттуда в преддверии конца света.

2) Второй момент может быть интерпретирован как завершение объединения кочевников под властью Тэмучжина, вскоре после этого на курултае 1206 г. провозглашенного Чингис-ханом. Когда Тэмучжин возглавил значительное число кочевых родов и племен, у него оставался серьезный противник – его собственный названный отец Ван-хан, имевший в степях большой

вес. Сначала Ван-хан поддерживал Тэмучжина, но затем, поддавшись на вполне обоснованные уговоры своего родного сына Сангума, решил погубить его. Ликвидация Ван-хана осенью 1203 г. позволила Тэмучжину уже в следующем году сравнительно легко разбить последних врагов на территории нынешней Монголии – найманов. История вражды Ван-хана и Тэмучжина обрела в Европе большую известность, хотя передавалась в сильно искаженном виде. Наиболее полную версию изложил знаменитый венецианский путешественник Марко Поло (1254–1324), заключивший, что, одержав над Ван-ханом победу, «с того дня пошел Чингис-хан покорять свет» [6. С. 235]. Можно думать, что для многих образованных европейцев, размышлявших о причинах монгольского нашествия, взаимоотношения этих лидеров кочевого мира представлялись ключевым событием во всей дальнейшей истории монголов, приведшим их под стены европейских городов. Есть веские основания полагать, что личность Ван-хана привлекла повышенное внимание благодаря слиянию образов реального кереитского хана и ожидавшегося крестоносцами легендарного царя-священника Иоанна, чему, очевидно, поспособствовало звучие их имен⁴.

История непростых взаимоотношений Тэмучжина и Ван-хана была известна также мусульманским историкам. Так, арабский историк и географ Таки ад-Дин Ахмад ибн Али Макризи (1364–1442) сообщает: «Когда Чингиз-хан, основатель могущества татар в странах востока, победил государя Ван-хана и получил верховную власть, он установил некоторые основные правила и некоторые наказания и все передал письменно в книге, которой он дал наименование Ясы...» (цит. по: [8. С. 10]). Таким образом, и здесь на пути Чингиса к власти оказывается его названный отец.

Порой место Ван-хана занимал «царь Давид», мифический владыка Индии, под которой тогда понимали Азию. Как правило, Чингис-хан изображался вассалом и даже чуть ли не холопом Ван-хана или Давида, в конце концов восставшим против своего господина, успешное свержение которого якобы придало ему уверенности в своих силах и позволило ставить перед собой новые, еще более грандиозные цели, вплоть до завоевания всего мира. По словам доминиканского энциклопедиста Винсента из Бове (1190–1264), «после того, как царь Давид, как уже сказано выше, вместе со всеми его [приблизженными] был убит тартарами, Чингис-хан и другие тартары, торжествуя сверх меры от своих злодеяний, возбудились таким чрезмерным безумием, что, подстрекаемые в душе дьяволом, решили постепенно подчинить своей власти, так же, как и землю своего господина, весь мир. Таким образом, воодушевленные достижением победы над Индией, Давидом и его народом, ибо на то была воля Бога, они умножили свои грехи» (цит. по: [9. С. 46]).

Первым государством, оказавшимся у монголов на пути после побед в Восточной Азии, был Хорезм. Винсет из Бове продолжает: «Итак, после победы над индийцами, о чем было сказано выше, гордо подняв голову и

⁴ Строго говоря, Ван-хан – не имя, а титул, пожалованный вождю кереитов Тоорилу чжурчжэньским двором за помощь в операции по разгрому татар в 1202 г. [7. § 134].

предполагая подчинить себе весь мир, они направили первых послов к хорезмийцам, поскольку те были их соседями, надменно принуждая их подчиниться Чингис-кану и его войску, а также смиренно сдаться ему в вечное рабство и выплачивать дань. Хорезмийцы столь сильно возмутились предъявленным к ним требованиям, что убили всех названных послов» (цит. по: [9. С. 47]). Известно, что первое посольство монголов к хорезмшаху Ала ад-Дину Мухаммаду (1200–1220) было отправлено в 1215 г. с мирными предложениями. Второе явилось в Хорезм три года спустя и доставило письмо, в котором Чингисхан называл хорезмшаха сыном, что можно было расценить как брошенный вызов. Каких «индийцев» успел покорить к этому времени Чингисхан? Только найманов под предводительством Кучлука, захватившего власть в государстве кара-киданей. До конца не ясно, планировал ли монгольский хан вступать в конфликт с хорезмшахом и тем более завоевывать все пространства, открывавшиеся перед ним на западе. Если верить некоторым промонгольским источникам, Ала ад-Дин сам спровоцировал его на конфликт.

Практически о том же говорится в труде польского францисканца Ц. де Бридиа, представляющего собой обработку сообщения Бенедикта Поляка – спутника папского легата Плато Карпини (ок. 1182–1252): «Итак, когда Чингис стал именоваться каном и год отдыхал без войн, он в это время распределил три войска [идти воевать] в три части света, чтобы они покорили всех людей, которые живут на земле» [10. С. 104]. Интересные подробности добавляет Жан де Жуанвиль (ок. 1224–1317), участник Седьмого крестового похода (1248–1254) и приближенный короля Людовика IX Святого (1226–1270), жизни которого он посвятил свое сочинение. После того, как пресвитер Иоанн был повержен, князь одного из подчинившихся Чингису народов исчез на три месяца, пролетевшие для него как один вечер. Вернувшись, он рассказал, что поднимался на очень высокую гору, где лицезрел самого Владыку неба и земли, восседавшего на золотом троне в окружении пышной свиты. Владыка открыл князю, что это он даровал Чингису победу над Иоанном, и просил передать, что теперь дарит ему «могущество, дабы подчинить всю землю» [11. С. 114–115].

Анналы Уэйверлейского монастыря сохранили послание «о татарах» не названного по имени венгерского епископа парижскому епископу, вероятно Гильому III Овернскому, написанное предположительно в 1239 г. Оно не только раскрывает монгольские замыслы, полученные от захваченных лазутчиков, но и позволяет достаточно точно датировать их возникновение: «Я спросил о вере их; и дабы быть кратким, скажу, что они ни во что не верят; однако же буквы у них иудейские, и начали они их учить, когда отправились на завоевание мира. Ибо они думают завоевать весь мир» [12. С. 174] (ср.: [12. С. 153; 13. С. 408]). Считается, что монголы заимствовали письменность у уйгуров после того, как, разгромив в 1204 г. найманов, они захватили хранителя ханской печати – по существу, государственного секретаря Тататунгу. Осведомившись о назначении печати и оценив пользу грамотности, Чингисхан приказал обучить уйгурскому письму своих внуков. Вскоре после этого монголы начали серию атак на соседние государства: сначала на тангутское

Си Ся (1205, 1207, 1209 гг.), потом на чжурчжэньское Цзинь (с 1211 г.), хотя первое время это были не захватнические войны, а грабительские и карательные рейды. Таким образом, сведения епископа оказываются в этой части верными. Датировку фактически подтверждает Винсент из Бове, который связывает начало монгольской экспансии с гибелью Ван-хана, считавшегося многими средневековыми западными историками сюзереном монголов: «В 1202 году от Рождества Христова, как сообщают некоторые, татары, убив своего господина, вышли для опустошения народов» [14. С. 84].

3) Наконец, третья версия, изложенная в «Письме об образе жизни тартар» венгерским монахом-доминиканцем Юлианом, ходившим в 1237 г. на восток до Рязанского княжества, выглядит наиболее правдоподобной: «Тогда Гургутам, вышеназванный предводитель татар, почти повсюду полагавшийся на славные победы, выступил со всеми своими силами против персов (хорезмийцев – *Ю.Д.*) по причине некоторых войн, которые ранее велись между ними. Где он одержал почетнейшую победу и полностью подчинил себе царство персов. Ободренный этим и считая себя самым сильным на земле, он стал выступать против царств с целью подчинить себе весь мир» [13. С. 385]. По мнению Р. Хауталы, «Чингизхан уверился в непобедимости своей армии и стал претендовать на мировое владычество по окончании успешной военной кампании в Хорасане в 1222 году» [13. С. 393]. Эту точку зрения разделяет М. Биран, А.В. Майоров и ряд других исследователей [15. Р. 62–63; 16]. Действительно, сокрушительное поражение Ала ад-Дина Мухаммада вполне могло воодушевить Чингис-хана и заставить его поверить в возможность захвата всей ойкумены, но прямых доказательств этого нет. П. Джексон высказал весьма интересную мысль, что переход от военных кампаний против враждебных монголам кочевых народов к вторжениям в оседлые государства ускорился благодаря тому, что номады находили в этих странах убежище от монголов. Так было в результате бегства Кучлука в империю кара-киданей, а кыпчаков – на Русь и позже в Венгрию [17. Р. 46–47].

В довольно смутном рассказе о победах Чингис-хана над соседними царствами церковный иерарх и хронист Фома Сплитский (ок. 1200–1268) проводит эту же идею: «Видя, что судьба приносит ему удачу во всех войнах, он стал крайне чванливым и высокомерным. И, полагая, что в целом свете нет народа или страны, которые могли бы противиться его власти, он задумал получить от всех народов трофеи славы. Он желал доказать всему миру великую силу своей власти, доверяясь бесовским пророчествам, к которым он имел обыкновение обращаться. И потому, призвав двух своих сыновей, Бата и Кайдана, он предоставил им лучшую часть своего войска, наказав им выступить для завоевания провинций всего мира. И, таким образом, они выступили и почти за тридцать лет прошли по всем восточным и северным странам, пока не дошли до земли рутенов и не спустились, наконец, к Венгрии» [18. С. 113–114].

Итак, европейские источники не передают какую-то единую точку зрения на время и обстоятельства, при которых монголы начали помышлять о подчинении всего человечества, хотя, скорее всего, как показано выше, и дата, и исторический контекст реконструируются довольно уверенно с

привлечением восточных источников. Вполне очевидно, что монгольские хаганы в посланиях к европейским монархам не раскрывали всех деталей и говорили лишь о том, что Бог дал им власть над всеми землями и народами. Во всяком случае, так можно заключить, основываясь на дошедших до наших дней хаганских письмах и их пересказах. Столь же очевидно, что ко времени вторжения в Европу и даже раньше – в ходе покорения русских княжеств монголы уже имели доктрину всемирного правления, но насколько последовательно они ее воплощали – это уже другой, весьма спорный вопрос.

Цели монголов

Вплоть до недавнего времени среди историков доминировало представление о намерении монголов в начале 1240-х гг. поставить на колени всю Европу⁵, но ряд причин воспрепятствовал этому (смерть хагана Угэдэя 11 декабря 1241 г., конфликт Бату с Гуюком и Бури, невозможность обеспечить кормом огромное количество своих лошадей, измотанность в предыдущих боях, сопротивление народов Поволжья и героическая борьба русского народа, трудности в захвате хорошо укрепленных европейских городов и замков, экономическая нецелесообразность: добыча не окупалась затратами, неподходящий климат и т.д.)⁶. Возможно, каждый из перечисленных факторов внес свой вклад в отступление монголов из Европы, однако не исключено, что внук Чингис-хана Бату, на которого было возложено общее руководство военными действиями на Западе, отнюдь не испытывал желания опустошать европейские страны ценой гибели своих людей и, как прирожденный кочевник, был удовлетворен оставшимися у него в тылу благодатными степями⁷. Смерть Угэдэя всего лишь послужила благовидным предлогом отвести войска⁸.

⁵ Следует напомнить, что вторжение 1241–1242 гг. было далеко не единственным. Монголы Улуса Джучи нападали на польские земли в 1259–1260 и 1286–1287 гг., на венгерские – в 1285–1286 гг.; много было и менее значительных рейдов, продолжавшихся вплоть до «великой зямтани» в Улусе Джучи, которая началась со смертью хана Бердибека (1357–1359). Данные коллизии обстоятельно рассмотрены в работе: [19. С. 272–313; 20. С. 485–528].

⁶ Анализ причин монгольского отступления может косвенно указать на ставившиеся цели, но это отдельное, очень широкое поле деятельности, которое разрабатывается многими специалистами и здесь нами не затрагивается. Обзор мнений см. в: [21. Р. 3–26; 22. Р. 9–45].

⁷ Согласно персидскому историку Джузджани (ок. 1193 – после 1263), еще отец Бату Джучи (1182–1227) высоко оценил кыпчакские степи: «Когда Туши, старший сын Чингиз-хана, увидел воздух и воду Кипчакской земли, то он нашел, что во всем мире не может быть земли приятнее этой, воздуха лучше этого, воды слаще этой, лугов и пастбищ обширнее этих» [23. С. 14].

⁸ Р.Ю. Почекаев приводит аргументы в пользу того, что планов по вторжению в Германию, Италию и другие страны Западной Европы у монголов не было, поход на Запад самому Бату был не нужен, и он был вынужден отправиться туда, выполняя приказ великого хана Угэдэя [24. С. 136, 150, 152]; ср.: [17. Р. 73]. Действительно, в «списке покоренных народов», две редакции которого содержатся в «Сокровенном сказании монголов» [7. §§ 262, 270], и которые автор привлекает в доказательство своей гипотезы, европейские государства не фигурируют. Однако их отсутствие может объясняться тем, что, как показал Р.П. Храпачевский, в основе списка лежит донесение Субэдэя Чингис-хану по результатам похода Чжэбэ и Субэдэя в 1221–1224 гг., не затронувшего собственно Европу [25. С. 101].

Чего же на самом деле хотели монголы, штурмовавшие Европу? Возможно, историки смогут лишь более или менее близко подходить к этому вопросу, не имеющему однозначного решения. Ограничение поисков только свидетельствами средневековых европейских авторов, конечно, недостаточно для формулировки предположений, претендующих на истину, но их анализ и систематизация должны помочь в дальнейших исследованиях.

В западных источниках мы видим довольно много (как минимум восемнадцать) мнений относительно целей монголов: подчинить «весь мир», Европу, Азию; напасть на Русь, Венгрию, Польшу, Германию, Чехию, Францию, Иерусалимское королевство, Сирию, Египет; подчинить/уничтожить римскую церковь; исправить христианство; уничтожить христианство, клириков и монахов, всех людей; подчинить/уничтожить непокорные Богу народы. Иногда тот или иной автор объединяет две и более целей. Они вполне четко соотносятся со шкалой ценностей средневековых жителей Европы, для которых понятия «весь мир», «Европа» («Запад») и «христианство» («Рим») были по сути равнозначны. Достаточно часто современники говорили о планах монголов по нападению на ту или иную страну, однако, строго говоря, нападение – не цель, а средство к достижению различных целей: аннексии, подчинения, грабежа, устрашения, ослабления. Очевидно, что эти конкретные цели в подавляющем большинстве были скрыты от европейских наблюдателей, а разведывательные миссии далеко не всегда могли обеспечить точной информацией. Итак, рассмотрим, что говорят о целях и намерениях монголов источники, охват которых в настоящей статье отнюдь не претендует на то, чтобы считаться исчерпывающим.

Подчинение «всего мира». Желание подчинить себе «весь мир» вменяется монголам наиболее часто, и это, по-видимому, стоит ближе всего к тому, что было провозглашено на великом курултае монгольской знати в 1235 г. Однако проблема «всего мира» не столь проста: как отмечалось выше, его пределы по-разному оценивались как самими захватчиками, так и теми народами, которые фиксировали эту цель. Для кочевников источником информации об окружающем мире были эмпирические знания, добывавшиеся из рассказов послов, купцов и пленников, и данных чрезвычайно развитой разведки, что позволяло им планировать и осуществлять дальние походы с очень точной координацией действий отдельных армейских корпусов. Географические представления европейцев об удаленных странах в начальный период монгольских завоеваний во многом базировались на библейских текстах и сочинениях античных мыслителей, но дипломатические и религиозные миссии уже в середине XIII в. привнесли в них серьезные уточнения и усилили рациональность [26. С. 70–77, 230 и сл.].

Для европейской литературы характерны ссылки на слова самих монголов, добытые из разных источников: писем монгольских хаганов, реляций дипломатических миссий, рассказов пленников, а чаще без какой-либо спецификации. В других случаях авторы излагают свои собственные опасения или мнения кого-то из авторитетных сограждан. Выраженная эмоциональность

этих суждений позволяет относиться к ним более критически, но игнорировать их, пожалуй, было бы неправильно.

Некоторые источники передают информацию о приказе Чингис-хана покорить всю землю, но они в явном меньшинстве, причем звание великого хана не было широко известно в Европе и к тому же оно сильно искажалось, принимая форму «Гургутам», «Цингитон», «Чиркам» и т.п. Плано Карпини говорит об этом трижды: «Другое постановление – такое, что они должны подчинить себе всю землю и не должны иметь мира ни с каким народом, если прежде не будет им оказано подчинения» [27. С. 48]⁹; «Надо знать, что они не заключают мира ни с какими людьми, если те им не подчинятся, потому что, как сказано выше, они имеют приказ от Чингис-кана, чтобы, если можно, подчинить себе все народы» [27. С. 58]; «Замысел Татар состоит в том, чтобы покорить себе, если можно, весь мир, и об этом, как сказано выше, они имеют приказ Чингис-кана» [27. С. 62]. Винсент из Бове, почерпнувший информацию о монголах из сочинений Плано Карпини и Симона де Сент-Квентина [28. Р. 287–307], два раза говорит о требовании монгольского владыки не заключать мирных соглашений ни с кем без их предварительного изъявления покорности: «Имеют еще и другое установление, о том, что они должны подчинить себе всю землю и не заключать мира ни с каким народом, если прежде им не подчинятся» [14. С. 89]; «Также они не заключают мира ни с какими людьми, если те им не подчиняются, ибо имеют давние предписания Чингис-хана об этом» [14. С. 102]. К этим сообщениям можно добавить сведения брата Юлиана и Фомы Сплитского.

Основной же корпус европейских источников воспроизводит идею о планах монголов по завоеванию мира обезличенно, как если бы в этих людях, словно в вырвавшихся из Преисподней демонах, уже была заложена жажда подчинения своей власти либо поголовного истребления всех и вся. Высказывания авторов довольно однотипны и не всегда аргументированы (например, «их замысел заключается в том, чтобы им одним господствовать на земле» [27. С. 58]¹⁰, поэтому ниже мы рассмотрим только информативные суждения.

Источники демонстрируют незыблемую убежденность монголов в достижении этой цели. Заслуживает внимания замечание клирика Ивона Нарбоннского, на наш взгляд, вполне справедливое, что идея мирового господства овладела всей совокупностью захватчиков, а не только их вождями: «Они все, как один человек, настойчиво стремятся и жаждут подчинить весь мир своему господству» [12. С. 150]. Это подтверждает гипотезу, согласно которой понятие «монгол» в XIII в. было не этнонимом, а политонимом и, возможно, даже идеологемой, и обозначало носителя нового мирового порядка, учрежденного верховным монгольским божеством – Вечным Синим Небом. «Монголом» можно было не только родиться, но и стать [32. С. 48–84; 32. С. 28–31]. Для европейцев, как и для жителей других частей света,

⁹ Эта мысль дублируется в произведении Ц. де Бридиа [10. С. 117].

¹⁰ Ср.: [29. С. 4; 12. С. 149; 13. С. 148, 174, 404]. Король Бела IV писал папе римскому Григорию IX в мае 1241 г.: «Своим усердием вы сможете предотвратить гибель всего мира» [30. С. 124].

подвергшихся нападению этих людей, все они обезличенно именовались татарами (тартарами), монголами или монголо-татарами, тогда как среди захватчиков было много представителей самых разных народов, как кочевых, так и оседлых, в том числе и уже покорившихся им, поэтому в ходе военных кампаний монгольское войско не таяло из-за неизбежных потерь, а возрастало в числе. Некоторые шли в бой против своей воли и практически не имели шансов выжить, но для других участие в битвах открывало возможность грабежа или сведения счетов (например, в 1258 г. армяне и грузины довольно охотно шли вместе с монголами штурмовать Багдад).

Иногда захватнические планы вуалировались высокими идеями. Отдельного обсуждения заслуживает мысль о том, что монголы являлись исполнителями Божьей воли, обязанными мечом¹¹ очистить лик земли от грешных народов, как некогда он был очищен всемирным потопом: «А намерены они подчинить себе весь мир, и было им божественное откровение, что должны они разорить весь мир за тридцать девять лет. И утверждают они, что [как] некогда божественная кара потопом очистила мир, так и теперь всеобщим избиением людей, которое они произведут, мир будет очищен» [12. С. 152]¹². Предельно ясно она также выражена в письме, приписываемом арабскому философу, математику и астроному аль-Кинди (ум. 873), но принадлежащему, судя по всему, Теодору из Антиохии – личному астрологу императора Фридриха II Гогенштауфена, о грядущем нашествии «тартар Гога и Магога»: «Бог, видя, как все люди подвержены только низким желаниям, как каждый из них заботится только о своем, а не о Божьем, и что зловоние грехов достигло небес, задумал очистить землю, словно рыночную площадь» [13. С. 174]. Великий хан Гуюк (1246–1248) в своем письме папе римскому Иннокентию IV (1243–1254) прямо утверждает, что сам Бог приказал монголам разорить поляков, моравов и венгров за их непослушание [33. Р. 184–187]. Наблюдаемое совпадение отнюдь не случайно.

Из многочисленных сообщений XIII в. хорошо известно, что христианские народы расценивали монголов как кару Господню, а те весьма охотно брали эту мысль на вооружение и продолжали убеждать в ней своих противников, чтобы морально подавить их и придать своему нашествию благородный эсхатологический характер. Ее формулировка выдает христианское происхождение, а возникнуть она могла независимо и среди монголов, и среди оседлых народов, поскольку христиане были в обоих враждующих лагерях. Очевидно, было бы напрасным пытаться обнаружить подобные аллюзии в монгольских ультиматумах властям Южной Сун или Японии. Однако нельзя исключать вероятность возникновения подобных идей в самой Европе. Казалось бы, кому они могли быть выгодными? Вероятно, в первую очередь церкви, получавшей благодаря монгольской угрозе новый

¹¹ Стоит обратить внимание, что европейцы «наделяли» кочевников своим важнейшим оружием – мечом, тогда как на самом деле номады использовали в битвах преимущественно лук и стрелы, кривые сабли, реже – пики.

¹² См. также отчет о расспросе русского архиепископа Петра на Лионском соборе в 1245 г. [12. С. 182].

рычаг воздействия на свою паству, поскольку своевременное покаяние и исправление нравов должно было, надо думать, отвести дикие орды от вернувшихся Божью милость народов.

Можно по праву расценивать эти слова как оружие информационной войны, но возможно и иное их прочтение. Монгольская имперская идеология, реконструированная усилиями многих исследователей, представляла собой довольно простую, внутренне непротиворечивую систему взглядов, суть которой сводилась к следующему. Высшее божество – Вечное Синее Небо (Тэнгри) – избирает достойного человека, облакает его всей полнотой власти и делает его проводником своей силы (монг. *хуч*), посредством которой он устраивает народы и вносит гармонию в природную среду. Собственно, его военные и дипломатические успехи, повсюду сопутствующая ему удача выдают в нем обладателя такой силы. Как есть одна земля и одно Небо, так и правитель под Небом может быть только один¹³. Расширение его власти (в данном случае монгольского хагана, т.е. хана ханов) подразумевает расширение гармонизированного пространства, в котором царит воля Неба, проявляющая себя во всеобщем процветании, мире, здоровье, чадородии и т.п. Напротив, за пределами этого пространства, на землях, находящихся под властью независимых государей, правят силы хаоса. Ввиду изложенного нежелание подчиниться власти хагана означает неподчинение небесной воле – иными словами, проблема переводится из политической плоскости в квазирелигиозную.

Монголы могли вполне искренне верить в свое высокое предназначение исполнителей и блюстителей воли Вечного Неба и смотреть на своих врагов примерно так же, как святая инквизиция смотрела на еретиков [34. Р. 103]. В этом свете становится понятен смысл послания хагана Мункэ (1251–1259) Людовика IX: «Когда силою вечного Бога весь мир от восхода солнца и до захода объединится в радости и в мире, тогда ясно будет, что мы хотим сделать» [35. С. 176]. Однако оставалось одно «но»: чтобы достичь если и не обещанного хаганом процветания, то хотя бы сносного существования, было необходимо покориться ему добровольно, по первому требованию, а лучше даже без такового; народы, подчиненные силой оружия, оказывались в самом жестоком рабстве и несправии. Разумеется, небесные идеалы несколько не мешали монголам стремиться к максимально возможному обогащению за счет грабежа и мародерства.

Осознание себя в качестве небоизбранного, практически непобедимого народа, вероятнее всего, укрепляло веру в возможность (и необходимость) покорения всех стран и народов, установления тотальной власти единственного санкционированного Небом монарха – монгольского хагана. В морально-этическом отношении это вылилось в яркий феномен, который условно можно обозначить как «монгольскую гордыню». На ней нередко

---

¹³ В Европе эта идея была хорошо известна. Так, Роджер Бэкон изложил ее суть в своем сочинении: «Некоторые же горят страстью к владычеству, как [например,] тартары, почему и император их говорит, что должен быть один властитель на земле, подобно тому как бог один на небе, и этим господином должен быть он сам» [12. С. 220].

акцентировали внимание христианские и мусульманские современники. Приведем несколько примеров. Из послания Ивона Нарбоннского архиепископу Бордоскому, 1243 г.: «И они убеждены, что только ради них одних все было создано» [12. С. 149]. Очень красноречивы высказывания Винсента из Бове: «Они до такой степени нечестивы и надменны, что хана, своего государя, называют сыном Бога и почитают его как занимающего место Бога на земле, произнося и демонстрируя тем самым воплощение следующего: “Господь неба небесного дал земле сына человеческого”». Так и сам хан называет себя сыном Бога и в посланиях своих этим именем всеми повелевает, и они подчиняются. Так, например, татары по его приказу заставляют послов, прибывающих к ним, принцев своих Байотной¹⁴ и Батыя почитать, трижды встав на колени и трижды склонив голову к нечистой земле. И вообще, они безмерно тщеславны и упорны в том, что в скором времени станут господами всего мира, и до такой степени неблагоразумны, что уверены, будто в мире нет никого выше их государя хана, и именуют его пред лицом его титулатурой, не уступающей Папе или иному властителю. Всех людей, мир населяющих, они, за исключением себя самих, считают за скотину, а Папу и всех христиан называют собаками и считают их идолопоклонниками, ибо те почитают дерево и камни – то есть дерево и камни, из которых вырезан или выбит символ Распятия» [14. С. 90–91].

Плано Карпини и Гильом де Рубрук (ок. 1220 – ок. 1293), знавшие о монголах не понаслышке, тоже отметили это их качество: «Они весьма горды по сравнению с другими людьми и всех презирают, мало того, считают их, так сказать, ни за что, будь ли то знатные или незнатные. Именно мы видели при дворе императора, как знатный муж Ярослав, великий князь Руси, а также сын царя и царицы Грузинской, и много великих султанов, а также князь Солангов (Кореи – Ю.Д.) не получали среди них никакого должного почета, но приставленные к ним Татары, какого бы то низкого звания они ни были, шли впереди их и занимали всегда первое и главное место» [27. С. 40–41]; «Именно они в великой гордости превознеслись уже до того, что думают, будто вся вселенная желает заключить мир с ними» [35. С. 134]. Заключение мира подразумевало подчинение монгольскому хагану, ни о каком равноправии с ним не могло быть и речи.

Плано Карпини пять раз повторяет тезис о том, что монголы собираются покорить всю землю, и при этом трижды говорит, что это должно произойти согласно приказу Чингис-хана, как говорилось выше [27. С. 48, 58 (дважды), 62, 63]. Среди всех европейцев, писавших в XIII–XIV вв. о монголах, Плано Карпини, вне всякого сомнения, заслуживает наибольшего доверия не только как человек, побывавший в ставках Бату и Гуюка, но и как автор отчета, подготовленного с целью дать максимально точные ответы на вопросы относительно этого народа и его замыслов. Тем не менее, разумеется, было бы

¹⁴ Нойон Байджу, в 1242–1247 и 1251–1258 гг. хаганский наместник в Малой Азии и Закавказье. Автор пересказывает историю посольства Асцелина, едва не поплатившегося жизнью в ставке Байджу в 1247 г., к чему мы вернемся ниже.

слишком неосторожным некритично принимать любое его сообщение. И дело не только в том, что он мог что-то приукрасить или что-то неверно истолковать; скорее всего, он старался предельно точно передать то, что узнавал, но окружавшие его люди едва ли были идеальными информаторами и могли выдать за истину слухи или собственные домыслы. Так, прежде всего, вызывают сомнения утверждения, что Чингис-хан завещал своим потомкам завершить покорение всей земли – об этом не говорит ни один восточный источник. Повидимому, основатель Монгольской империи думал больше о мести врагам, которых у него было в избытке, чем о территориальных приобретениях. Прирожденный степняк, он ценил кочевую жизнь и степные просторы. Вряд ли ему были нужны города Хорасана или рисовые поля Китая. Второе, а тем более третье поколение монгольской элиты, вкусившее блага оседлых цивилизаций, вероятно, уже имело несколько иное мировоззрение и предпочитало держаться поближе к источникам этих благ. Этот закономерный процесс утраты воинского духа был описан еще знаменитым арабским мыслителем Ибн Халдуном (1332–1406).

В одном случае монголам приписано убеждение в том, что их победа над Европой будет означать победу над всем миром: «Если они победят, то утверждают, что воистину будут властвовать [над] всем миром» [12. С. 152]. Эта версия, озвученная русским архиепископом Петром как на Первом Лионском соборе (1245 г.), так и в преддверии его, производит впечатление евроцентричной и, возможно, придуманной самим Петром. В первой половине XIII в. монголы были гораздо лучше русских и европейцев осведомлены о колоссальных мировых пространствах, и они вряд ли могли всерьез считать подчинение Европы успешным завершением установления своего господства над всей землей. Для сравнения, Гайтон и византийские авторы говорят о Малой Азии как о пределе монгольских амбиций, к чему мы еще вернемся. Еще один вариант выдает европейское происхождение приписываемому монголам мнению: «...хвастая, что всех и главным образом христиан покорят своему господину» [30. С. 124].

Своеобразным поздним рецидивом европейских страхов относительно желания монголов воцариться над всей землей можно считать слова Иоганна Винтертурского в его хронике, составленной между 1342 и 1348 гг., о якобы готовящемся совместном захвате стран джучидским ханом и неким султаном: «В эти времена [1341], как я узнал из достойного доверия сообщения, император тартар, обычно называемый великим ханом, и султан сговорились против всего мира» [4. С. 732].

Подчинение Европы. Имели ли монголы такое намерение в действительности, неизвестно. По общему мнению историков, их целью была непокорная Венгрия (об этом см. ниже), разгром которой планировался и реализовывался в полном соответствии со стратегией степной войны. Монгольские силы были разделены на два крыла и центр, причем правое крыло во главе с Байдаром с боями шло через Польшу и Моравию, левое двигалось через Валахию и Молдавию под руководством Бучека, Кадана и Бури, а центром командовал прославленный Субэдэй. Бату вторгся в Венгрию через Верецкий

(Русский) перевал. Возможно, первые относительно легкие победы в Восточной Европе воодушевили Бату и его сподвижников и дали повод подумать о дальнейших походах на Запад, но достоверных свидетельств о таких планах не сохранилось¹⁵. Скорее, напротив, действия монголов в Европе позволяют предполагать отсутствие у них замыслов по оккупации европейских стран. Вскоре после разгрома польско-немецкого войска 9 апреля 1241 г. под Легницей Байдар получил приказ Бату идти в Венгрию на соединение с основными силами монголов, ввиду чего он не стал развивать свой успех в Польше и не двинулся в Германию, у границ которой тогда находился. Моравию он прошел ускоренным маршем – согласно анналам монастыря Святого Панталеона в Кельне, всего за один день и одну ночь (!) [36. Р. 240], следовательно, по крайней мере, в тот момент установление прочной власти в этих странах не стояло у монголов на повестке дня. Болгарию они вынудили признать свое верховенство, уже отступая из Европы [37. Р. 272]. В погоне за Белой IV они не довели до успешного финала осаду некоторых замков, не говоря уже о том, что и беглого венгерского короля им пленить не удалось. Кстати, поимка Белы вообще не упоминается как цель прихода монголов в Европу, хотя именно этот человек представлял для них первостепенный интерес. Что касается половцев, то после убийства венграми хана Котьяна большинство из них покинуло Венгрию и приняло болгарское подданство, что, по-видимому, и послужило Кадану поводом годом позже вторгнуться в Болгарию.

Неудивительно, что в числе лиц, активно распространявших слухи о намерении монголов захватить Европу, был Бела IV, кровно заинтересованный в запугивании монгольской угрозой всех, кто мог бы оказать ему военную или финансовую помощь. Одним из его адресатов являлся король Германии Конрад IV Гогенштауфен (1237–1254), которого он заверил в следующем: «Впрочем, как мы точно знаем, с наступлением зимы они грозятся сразу же выйти к границам Германии, намереваясь после этого завоевать все прочие королевства и земли» [30. С. 188]. Тот известил английского монарха Генриха III (1216–1272): «И пусть Ваше величество позаботится, пока общие враги бесчинствуют в соседних краях, чтобы как можно скорее оказать им сопротивление Вашими силами; ибо из земель своих они движутся с тем намерением, чтобы, невзирая на [грозящие] жизни опасности, подчинить себе весь Запад, упаси господи, и веру и имя Христа погубить и уничтожить. И из-за неожиданной победы, которая им с соизволения божьего до сих пор сопутствовала, они дошли до такого невероятного безумия, что уже мнят, [будто] королевства мира принадлежат им и что королей и владык, подчиненных презренной их власти, они попирают и унижают» [12. С. 145–146].

Весеннее отступление монголов в 1242 г. не принесло Европе успокоения, люди ожидали нового натиска кочевников и, как показало время, были в своих опасениях правы. Судя по сведениям, добытым Плано Карпини в самом

¹⁵ Слова Ц. де Бридиа о том, что хаган Угэдэй якобы отправил Бату «на Запад против церкви Божьей и всех областей Запада» [10. С. 111], хотя и основываются на сочинении человека, побывавшего и в ставке Бату, и при дворе великих ханов, в данном случае едва ли заслуживают полного доверия.

сердце Монгольской империи, а также по содержанию и тональности исходивших оттуда официальных посланий, хаган Гуюк имел твердое намерение завершить дело своего предшественника на великоханском престоле – Угэдэя, и поставить Европу на колени. «И так как, за исключением Христианства, нет ни одной страны в мире, которой бы они не владели, то поэтому они готовятся к бою против нас, – писал Плано Карпини. – Отсюда да знают все, что в бытность нашу в земле Татар мы присутствовали в торжественном заседании, которое было назначено уже за несколько лет пред сим, где они в нашем присутствии избрали в императоры, который на их языке именуется кан, Куйюка. Этот вышеназванный Куйюк-кан поднял со всеми князьями знамя против Церкви Божией и Римской Империи, против всех царств христиан и против народов Запада, в случае если бы они не исполнили того, что он приказывает Господину Папе, государям и всем народам христиан на Западе» [27. С. 62–63; 10. С. 114]. Ниже папский легат раскрывает детали планировавшегося похода, не просто очень похожие на правду, но и подкрепленные его личными наблюдениями: «А в вышеупомянутом собрании были назначены ратники и начальники войска. Со всякой земли их державы из десяти человек они посылают троих с их слугами. Одно войско, как нам говорили, должно вступить через Венгрию, другое – через Польшу; придут же они с тем, чтобы сражаться непрерывно 18 лет. Им назначен срок похода: в прошлом марте месяце мы нашли войско, набранное у всех Татар, через область которых мы проезжали, у земли России; в три или четыре года они дойдут до Комании, из Комании же сделают набег на вышеуказанные земли. Однако мы не знаем, придут ли они сразу после третьей зимы или подождут еще до времени, чтобы иметь возможность лучше напасть неожиданно. Все это твердо и истинно, если Господь, по Своей Милости, не сделает им какого-либо препятствия, как Он сделал, когда они пришли в Венгрию и Польшу. Именно они должны были подвигаться вперед, воюя тридцать лет, но их император был тогда умерщвлен ядом, и вследствие этого они доныне успокоились от битв. Но теперь, так как император избран сызнова, они начинают снова готовиться к бою. Еще надо знать, что Император собственными устами сказал, что желает послать свое войско в Ливонию и Пруссию» [27. С. 63]. Наконец, Плано Карпини извещает, что «на следующий день он (Гуюк – Ю.Д.) хотел поднять знамя против всей земли Запада» [27. С. 80], но на этот раз добытая информация не подтвердилась.

Скоропостижная смерть Гуюка и последовавшее за ней междуцарствие, наполненное интригами и борьбой за власть между двумя ветвями чингисова рода, более чем на десятилетие отвлекли внимание монголов от Европы, а следующие попытки вторжения были гораздо менее масштабными, нежели в 1241–1242 гг. Раскол Монгольской империи в 1260 г. и начало кровавой вражды между улусами Джучи и Хулагу, а также усиление мамлюкского Египта изменили взгляды части монголов на Европу и побудили их искать там союзников. Уже в 1262 г. ильхан Хулагу (1256–1265) выступил с инициативой совместной с европейцами борьбы против мусульман на Ближнем Востоке [38. Р. 245–260].

Тем временем правители Улуса Джучи¹⁶ не оставляли имперских амбиций. Хотя они уже не имели для их воплощения достаточно сил, их хватало для разбойных набегов вглубь Польши и Венгрии, в связи с чем совершенно понятны опасения Белы IV, пережившего ужас первой инвазии, и его настойчивые просьбы о помощи ввиду ожидаемого нового нашествия «тартар». Как обычно, венгерский монарх подкреплял свои просьбы якобы добытой его людьми достоверной информацией о планах монголов захватить всю Европу: «Ибо изо дня в день до нас доходят слухи о тартарах, что они собрались не только против нас, вызывающих у них чрезвычайный гнев ... но и, более того, против всего христианства; и, как достоверно говорят многие достойные доверия [люди], они непоколебимо решили направить свое бесчисленное войско против всей Европы» (цит. по: [19. С. 278]).

События 1259–1260 гг. в Польше и у границ Иерусалимского королевства, а также грозное послание хана Берке (1257–1266) Людовика IX были восприняты в Европе как предвестники нового крупного наступления монголов и побудили папу римского Александра IV (1254–1261) к созыву церковного собора. Кентерберийскому епископу папа направил письмо, в котором, в частности, говорилось: «И также со стороны северного края, через Венгрию, как и Польшу, граничащие с Римской империей, где уже – о горе! – они немало пролили крови христиан, беснующиеся в великой резне народа тех краев, они стремятся к враждебному нападению на Европу, где они замышляют попортить сильных предводителей христианства и, опрокинув королевские троны, как и престолы, привести к подчинению мощи своей вселенской монархии» [19. С. 293]. Для европейцев, не знавших о соперничестве за имперский престол братьев Хубилая и Ариг-Буки, угроза представлялась вполне реальной.

Может быть, после 1260 г. монгольская элита уже не помышляла всеерьез о подчинении Европы, но она не забыла об основополагающем принципе, согласно которому только монгольский хаган имеет право владеть всей землей. Соответственно, Европа по праву принадлежала потомкам старшего сына Чингис-хана Джучи (ок. 1182–1227). Швейцарский минорит Иоганн Винтертурский воспроизвел слова, которые якобы повторял хан Узбек (1312–1342) приходившим в его земли христианским купцам: «Римский император и король Франции должны де юре признать свои владения в моем феоде, и, поскольку пренебрегают тем, чтобы это сделать, они владеют ими на ложном основании, допуская великое беззаконие по отношению ко мне» (цит. по: [20. С. 500], см. также [4. С. 535]). Несомненно, заслуживает внимания отсутствие угроз в адрес европейских властей; слова хана, если они действительно звучали, больше похожи на сетования. Однако было бы ошибкой полагать на этом основании, что в годы правления Узбека европейцы чувствовали себя в безопасности от конницы Улуса Джучи. В письме Бертрану дю Пуже (1280–1352), епископу Остии и Веллетри, датированном 10 апреля 1330 г., представитель влиятельной аристократической фамилии Венеции Марино Санудо

¹⁶ Мы намеренно избегаем использовать для обозначения этого государства словосочетание «Золотая орда», как зафиксированное впервые только в XVI в.

Торселло (ок. 1270 – ок. 1343) привел пугающую информацию о военных возможностях Узбека: «Тартары, граничащие с королевством Венгрии, смогли бы пройти и прийти и в Германию, и Францию, как и в Италию, и всю подчинить своей власти. И это не кажется невозможным, поскольку тот тартарин из северных краев имеет в своем подчинении величайшее множество воинов, и в то же время тот господин по имени Узбек стал сарацином. И так, не причиняя своим людям неудобств, взяв трех из них вместо десяти, он собирает сорок тысяч человек верхом на лошадях, которые везут с собой то, чем должны питаться» [4. С. 670].

Подчинение Азии. Было бы довольно странно ожидать от европейцев представления о том, что монголы нацелены на покорение Азии, однако такие сведения есть. Некий аббат монастыря Святой Марии в Венгрии в своем послании утверждал, что монголы, сойдя с гор, собирались «жестоко разорить провинции Азии», что им, в общем, вполне удалось. Далее автор называет некоторые страны, от «Каппадокии» и Руси вплоть до европейских, разгромленные ими [12. С. 156]. Азияцентрическую перспективу имел историк и государственный деятель из Киликийской Армении Гетум Патмич (сер. 1240-х – 1310-е), известный также как Гайтон, автор труда «Цветник историй стран Востока», написанного в 1307 г. и пользовавшегося чрезвычайной популярностью в Европе. Не случайно это сочинение, составленное на старофранцузском языке, было переведено на латинский, итальянский, армянский и ряд других языков и принадлежит как европейской, так и армянской литературе. Естественно, что события мировой истории виделись Гетуму иначе, нежели его европейским современникам, вследствие чего цели монгольских завоеваний у него лежат в Азии. Кроме того, он гораздо более информирован о монгольских делах. «Хан Угедей решил завоевать всю землю Азии» [39. С. 256], – пишет Гайтон, а ниже развивает эту мысль: «Когда хан Угедей узнал о состоянии земель Азии и о тех царствах, которые там находятся, он заключил, что не существует князя, способного сравниться в могуществе с ним, и поэтому нетрудно будет покорить всю Азию. Тогда он позвал трех своих сыновей, предоставил каждому из них огромные богатства и множество воинов и приказал им обойти земли Азии, покоряя царства и страны» [39. С. 258]. Конечно, армянский историк был прав относительно захватнических планов хагана Угэдэя, но он посвятил своих читателей лишь в известную ему часть этих планов, а Европа при этом осталась за скобками.

Великий хан Мункэ выглядит менее воинственным и более хозяйственным, чем предшествовавший ему Гуюк. Неофициальный посланец Людовика IX к монголам Гильом де Рубрук почти полгода (с 26 декабря 1253 г. по 6 июня 1254 г.) прожил при дворе Мункэ, но его описание увиденного и услышанного не столь информативно, как у Плано Карпини. Здесь для нас представляет интерес ответное посольство Мункэ к Людовику. Хаган якобы приказал изготовить очень тугой лук и две стрелы с полными отверстиями серебряными головками, издававшими при полете свист, и дал послу следующий наказ: «Ты отправишься к тому королю франков, к которому этот человек проведет тебя, и поднесешь ему это от меня. И если он пожелает иметь мир с

нами, мы и покорим землю сарацин вплоть до его владений, и уступим ему остальную часть земли вплоть до Запада. В случае же отказа верни нам лук и стрелы и скажи ему, что из подобных луков мы стреляем далеко и поражаем сильно» [35. С. 141]. Отсюда должно следовать, что при условии признания монгольской власти Людовик мог рассчитывать на помощь в борьбе с мусульманами и закреплении за собой как своих собственных земель, так и завоеванных на Ближнем Востоке, а Мункэ претендовал только на Азию и не собирался воевать с Европой. Однако диалога между Людовиком IX и монгольскими хаганами опять не получилось. Проводником служил некий причетник из Акры Феодул, которого Рубрук характеризует как беспринципного афериста. Монгольское посольство смогло добраться только до Никеи, где император Иоанн III Дука Ватац (1222–1254) арестовал Феодула, не имевшего никакого документа, официально подтверждавшего его статус провожатого, а посол тем временем скончался. Не желавший из-за этой неожиданной смерти осложнений с монголами, Ватац отослал *пайцзу* (верительную дощечку) умершего обратно в Каракорум.

Нападение на Русь. Это одна из немногих приписываемых монголам целей, нашедших свое полное подтверждение, поэтому мы не будем долго останавливаться на данном вопросе. Первое столкновение монголов с русскими в 1223 г. нигде не обозначено как попытка покорить их или ограбить¹⁷; по-видимому, послы Субэдэя и Чжэбэ были вполне искренни в том, что монголы не собирались нападать на русские земли и желали всего лишь отговорить русских от помощи половцам. Конечно, пример умелого разделения половцев и аланов и последующего разгрома тех и других по отдельности годом ранее буквально заставляет сегодняшних историков видеть в монгольском предложении князьям тот же тактический прием, но дальнейшее развитие событий этого не подтверждает: все равно победив, монголы практически не развили свой успех и ушли¹⁸. Вопрос о том, был ли этот поход к границам Руси разведывательным, захватническим или каким-то иным, не решен до сих пор. По-видимому, среди историков все еще бытует старое мнение о его назначении как разведки боем в преддверии штурма Европы [42. С. 15–16], что, однако, не выглядит вполне убедительно. Обсуждение этого вопроса сейчас не входит в наши задачи.

Во время второго путешествия венгерского брата Юлиана в 1237 г. монголы стояли у границ Руси в готовности к вторжению. «Как на словах нам сообщили те рутены, венгры и болгары, которые перед ними бежали, они ждут, пока ближайшей зимой замерзнут земля, реки и болота, чтобы так всему их

¹⁷ См., например: [40. С. 222] (событие ошибочно описывается под 1222 г.).

¹⁸ А.В. Майоров высказал интересную мысль, что в планы монголов уже в 1223 г. входило подчинение русских земель вплоть до Киева. Поэтому после битвы на Калке они дошли до Новгорода Святополчского и захватили плацдарм на правом берегу Днепра, примерно в 60 км от столицы Южной Руси, где ожидали подхода основных сил под командованием Джучи, чтобы занять Киев. Однако Джучи фактически саботировал распоряжения своего отца и остался в степях нынешнего Казахстана. Таким образом, замысел монголов не осуществился, и им пришлось возвращаться на соединение с Чингис-ханом [41].

множеству было легче разграбить всю Русь, как и всю землю рутенов», – отметил Юлиан [13. С. 386]. Так и оказалось. Впрочем, венгерский монах обозначил цель монголов как грабительскую, но в действительности, увы, поход Бату привел к длительному подчинению русских княжеств монгольской власти.

Нападение на Венгрию. Сведения о намерении монголов нанести удар по Венгрии также оправдались. Возможно, это королевство как таковое не представляло для монголов интереса, но оно приютило их врагов – половцев (команов), которым Бела IV предоставил осенью 1239 г. земли, очевидно, имея в виду использовать их как достойных противников перед монгольской угрозой. К сожалению, накануне монгольского вторжения король допустил во внутренней политике серьезные просчеты [30. С. 19–27], одним из следствий чего было озлобление венгров на своих новых соотечественников, кончившееся их избиением и превращением из потенциальных защитников во врагов.

Возвращаясь с Волги, брат Юлиан имел беседу с суздальским князем, который счел нужным предупредить о грозящей опасности: «Многие говорят, что не подлежит сомнению, и князь Суздали передал устно через меня королю Венгрии, что днем и ночью обсуждают татары, как они победят и овладеют христианским королевством Венгрии. Ибо говорят, что они имеют намерение прийти и напасть на Рим и за пределами Рима» [13. С. 388]. В польской «Великой хронике» отмечено намерение Бату вторгнуться в Венгрию, и далее очень кратко говорится о реализации этого намерения [43. С. 154–155]. Имеется достаточно много документальных подтверждений того, что Венгрия была главной целью монгольского нашествия или, как минимум, первой из возможных целей на Западе.

Захват венгерских владений монголами проходил в два этапа: весной 1241 г. до Дуная и зимой 1241/1242 гг. далее к западу, после чего корпус Кадана устремился вслед Беле IV до Адриатического побережья. Письмо папы римского Григория IX (1227–1241) от 16 июня 1241 г. зафиксировало момент установления временного разграничения противоборствующих сторон: «Ибо как, не без пролития многих слез, мы узнали из писем нашего возлюбленного во Христе сына венгерского короля Б[елы], не знающие Бога татарские народы Господним попущением частично захватили венгерское королевство и хотят не только погубить оставшуюся часть, но и всю христианскую землю стремятся превратить в пустыню» [30. С. 146–147]¹⁹. Намерение монголов захватить Венгрию целиком не вызывает сомнений, и дальнейшее развитие событий подтвердило опасения венгерского короля, но долговременная оккупация едва ли входила в их планы. Что касается видов на «всю христианскую землю», то Бела пользовался подобным устрашением в своих интересах, как подчеркивалось выше.

Чрезвычайно много споров вызвала причина ухода монголов из Венгрии в 1242 г. Мы не планируем вступать в дискуссию по данному вопросу, но далее обоснуем свое видение ситуации. В целом, мы близки к мнению английского историка Мартина Рэди, что единственной причиной нападения

¹⁹ Письмо аналогичного содержания духовным лицам загребского диоцеза, датированное тем же числом, см: [30. С. 149].

монголов на Венгрию был конфликт между Бату и Белой IV из-за команов, и венгерская кампания не являлась частью реализации планов по подчинению Европы [44. Р. 39–46].

Второе вторжение на рубеже 1285–1286 гг., осуществленное под предводительством темника Ногая (1235 или 1240–1299) и джучидского принца Тула-Буги (хан в 1287–1291 гг.), по-видимому, было мотивировано исключительно грабежом и оказалось для монголов провальным. Анонимный автор Галицко-Волынской летописи сообщил об итогах этого предприятия с нескрываемым злорадством: «Оканьнии же и незаконьнии Телебоуга выиде пѣшь. со своею женою. об одной кобылѣ. посрамлень от Б[ог]а» [45. Стб. 891].

Нападение на Польшу. По-видимому, монгольская инвазия в Польшу в 1241 г. произошла для Запада неожиданно. Если о готовящемся нападении на Венгрию заранее извещали как письма Бату королю Беле, так и сведения, собранные братом Юлианом, то о планах монголов относительно Польши этого сказать нельзя. Во всяком случае, занимать ее кочевники явно не собирались: это государство было промежуточной целью на пути в Венгрию, которую они охватывали с флангов, как дичь на облавной охоте.

Однако первое вторжение оказалось далеко не последним, и теперь источники совершенно справедливо изображают Польшу как цель. Придя к власти, Берке заменил в самом западном владении своего улуса Куремсу на более способного полководца Бурундая, что могло означать приготовления к расширению подвластных земель. Бурундай потребовал выражения покорности от галицкого и волынского князей и с их помощью разорил Литву, встревожив тем самым тевтонских рыцарей. В ноябре 1259 г. монголы вторглись в Польшу, нанеся существенно больший ущерб, чем корпус Орды в 1241 г. Чем на самом деле являлось это вторжение – начальным этапом операции по подчинению Европы, мерой по ослаблению союзника Волыни и Галиции – князя Болеслава V Стыдливового (1243–1279) или просто грабительским рейдом в духе старой степной традиции, доподлинно неизвестно.

О планировании монголами нового набега на Польшу следует из очередного обращения Белы IV о помощи к папе римскому. В ответ на просьбу папа Климент IV в 1265 г. санкционировал крестовый поход против монголов Улуса Джучи, подчеркнув в письме архиепископам Эстергома и Калочи, что те имеют дальние цели: «Как нам сообщил через своего специального посланца возлюбленный сын наш Христе сын наш Б[ела], славный король Венгрии, недавно ему стало известно посредством заслуживающего доверия донесения, что упомянутые тартары с присоединившимися к ним другими язычниками, их приспешниками, собрали множество своих войск и задумали напасть в скором времени на граничащие с ними земли христиан упомянутого королевства [Венгрии] и Польши, чтобы подчинить их себе по их обыкновению и чтобы продвинуться – боже упаси! – далее, если только не встретят стойкого сопротивления» [20. С. 486]. Однако следующий набег произошел только в 1280 г. и был инициирован не монголами, а галицким князем Львом Даниловичем (1264–1301), но был неудачен. Наконец, как показало развитие

событий, последнее крупное вторжение в 1286–1287 гг. двух плохо согласованных действующих армий тех же Ногай и Тула-Буги тоже не преследовало территориальных приобретений.

Указанными военными кампаниями дело, однако, не ограничилось, и в XIV в. монголы по-прежнему угрожали Польше. Впрочем, их нападение в 1341 г. было спровоцировано польским королем Казимиром III (1333–1370), годом ранее вторгшимся в подконтрольную хану Узбеку Галичину. Вполне резонно ожидая ответного удара монголов, Казимир обратился за помощью к папе римскому Бенедикту XII (1334–1342), который в своей булле от 1 августа 1340 г. прибег к выражениям, чрезвычайно похожим на риторику столетней давности: «Они задумали в своих диких и бешеных душах вторгнуться и уничтожить упомянутое королевство и его христианских обитателей, так что до твоего слуха дошло достоверное сообщение, что названные тартары, неспособные скрывать под замком молчания эти нечестивые замыслы, высказываясь по незначительным поводам, публично угрожают, что, собрав силы своей мощи для вторжения и разрушения упомянутого выше королевства и разорения правоверных, в нем же проживающих, как и для осквернения там же католической веры, они направятся туда с войском в короткое время» [4. С. 701].

Нападение на Германию. Наиболее ранний источник, сообщающий о плане монголов напасть на Алеманию – историческую область в Германии, названную по имени древнегерманского союза племен алеманов и в рассматриваемое время входившую в состав герцогства Швабия (если только под этим названием не подразумевалась вся Германия, что было обычным явлением в ту эпоху), – сочинение «О Великой Венгрии, найденной братом Рикардусом во время господина папы Григория девятого», датированное началом 1236 г. Поиски венгерской прародины начались практически накануне монгольского нашествия в регионе Средней Волги, где, судя по приводящейся ниже цитате, уже отмечалось монгольское присутствие: «В этой земле венгров упомянутый брат (Юлиан – Ю.Д.) обнаружил тартар и посланца предводителя тартар, который знал венгерский, русский, куманский, тевтонский, сарацинский и тартарский языки. Он сказал, что войско тартар, находившееся тогда в пяти днях пути от того места, намеревалось пойти против Алемании. Но они ожидали другое войско, направленное для уничтожения персов» [13. С. 367]. Р. Хаутала со ссылкой на немецкого исследователя Г. Дерри, изучавшего материалы венгерских миссий, отмечает, что монголы имели ясный план наступления на Европу уже в 1235 г. [13. С. 372]. Впрочем, данное сообщение вызывает некоторое недоверие, так как очень трудно объяснить мотивы, которые должны были нацелить монголов на немецкие земли. Неясно, хотел ли встреченный дипломат нарочно ввести венгра в заблуждение, чтобы отвлечь его внимание от нависающей над его страной катастрофы, или сделал неявное предупреждение: самый короткий путь в алеманские земли лежал через Венгрию.

Папа римский Григорий IX писал 19 июня 1241 г. аббату монастыря Хайлигенкройц цистерцианского ордена в Австрии, что монголы «желают напасть на чешское и германское королевства» [30. С. 155], но, по-видимому, эту

информацию следует расценивать скорее как мнение понтифика, нежели чем данные разведки. Есть больше оснований прислушаться к цитированному выше сообщению Платона Карпини, согласно которому Гуюк планировал вторжение в подконтрольные немецким рыцарям Ливонию и Пруссию [27. С. 63]²⁰. Это могло означать выход монголов к Балтийскому морю и блокирование северных торговых путей. Однако, по-видимому, проблема вскоре разрешилась мирным путем: с подчинением Новгорода монголы фактически взяли их под свой контроль. Существует предположение, что монголы могли дойти до Карелии [17. Р. 40].

О том, что монгольские захватчики не удовлетворятся только разорением Венгрии, а замышляют нападение на Германию и продвижение дальше на запад, Бела IV предупреждал в июле 1241 г. германского короля Конрада IV: «...как мы точно знаем, они планируют с приходом зимы врасплох захватить Германию и как только там будет подавлено всякое сопротивление, завоевать все прочие королевства и провинции» (цит. по: [2. С. 71]).

Как показали дальнейшие события, жертвой монголов Германия не стала. Слухи о столкновении тевтонских рыцарей с монголами, как, например, в 1263 г., также пока не находят подтверждения [17. Р. 201].

Нападение на Чехию. Такая цель монгольской агрессии указывается в цитированном выше письме папы Григория IX и с еще большей уверенностью – в послании Генриха Распе: «Ведь доподлинно и досконально известно нам, что это племя тартарское намерено приблизительно через неделю после пасхи жестоко и стремительно вторгнуться в земли Богемии» [12. С. 140]. Чешское королевство (Богемия) входило в состав Священной Римской империи и управлялось национальной династией Пржемысловичей. Положение королевства у границ Польши и Венгрии, вероятнее всего, сделало бы его одной из ближайших мишеней монголов в случае их попытки завоевать всю Европу, чего, как известно, не произошло. По словам Фридриха II, одна из монгольских армий якобы вторглась в пределы Богемии, но была остановлена благодаря мужественному отпору [12. С. 143]. Вероятнее всего, богемские земли не интересовали захватчиков, которые направлялись на главный театр военных действий – в Венгрию, и их главные силы под началом Байдара двигались из Польши восточнее, через Моравию.

Нападение на Францию. Поскольку Людовик IX был известен монголам, в частности Джучидам, как весьма значимая политическая фигура Европы, он не мог остаться без персонального требования покориться. Первый

²⁰ См. также: [12. С. 158; 19. С. 284–285]. Слухи о готовившемся монгольском вторжении в эти земли ожили почти столетие спустя в письме епископов Кульма, Помезании и Самбии, адресованном Римским кардиналам: «Эти же вышеназванные неверные решили и намереваются напасть, опустошить и, по мере возможности, подчинить своей власти все наше христианство – а именно, земли Пруссии, Куронии и Ливонии, которые находятся в домене упомянутых братьев, – из-за предпринятых ими войн для расширения и защиты христианства» [4. С. 704]. На самом же деле, как считают специалисты, эти прибалтийские прелаты использовали довод мнимой угрозы монгольского вторжения с целью склонить кардиналов на свою сторону в территориальном споре с Казимиром III относительно владения Померанией [4. С. 704].

ультиматум ему доставило посольство, которое он в 1248 г. отправлял в Каракорум с богатыми дарами, обнадеженный письмом хаганского наместника на Ближнем Востоке Эльджигидая о том, что Гуюк стал христианином. Однако послы уже не застали хагана в живых, и ответ им дала его вдова Огул-Гаймиш. Ее послание было выдержано в характерной имперской манере и заканчивалось приказом безоговорочного подчинения и уплаты дани. В противном случае Людовику вместе с его людьми предлагалось готовиться к смерти. Король был сильно разочарован, но непосредственной угрозы монгольского нападения пока не было [11. С. 117].

Второй ультиматум прибыл к Людовику IX в 1260 г. от хана Улуса Джучи Берке с предупреждением о скором нападении на Францию, если король не подчинится: «Царь тартар направил торжественных послов, около 24 высокородных тартар с двумя братьями Ордена проповедников, бывших переводчиками языков, к королю Франции Людовику, дабы он со своим королевством подчинился власти тартар; в противном случае они напали бы на Францию в ближайшее время. Что король Людовик твердо отверг, посоветовавшись с верховной знатью своего королевства. Этих послов он все же почетно держал в Париже и с миром направил их прямо к папе Александру» (цит. по: [19. С. 293]).

Думал ли Берке на самом деле послать свои войска во владения французского короля, можно только гадать. Год, в который он отправил в Париж свое посольство, оказался роковым для Монгольской империи: появление на великоханском престоле сразу двух претендентов положило начало ее распаду. В сентябре того же года в битве при Айн-Джалуте монголы потерпели первое крупное поражение, за которое так и не сумели взять реванш. Вскоре, в дополнение к гражданской войне в самой Монголии, вспыхнул вооруженный конфликт между Берке и Хулагу. В предполагаемом походе на Францию Берке мог рассчитывать только на свои силы, которых едва ли хватило бы для столь масштабного предприятия.

Нападение на Иерусалимское королевство. Вышеупомянутый папа римский Александр IV, встревоженный новостями как о военных приготовлениях джучидского хана, так и о продвижении армии Хулагу в Сирии, принял решение о созыве весной 1261 г. общеевропейского католического собора, о чем и известил всех европейских прелатов. В послании Кентерберийскому архиепископу он упомянул монгольское вторжение в Иерусалимское королевство как предрешенное событие: «Ибо эти тартары, говорившие, что Бог неба (которого они, несомненно, не знали) приказал им захватить всю землю; завладев уже всеми краями Востока и поправ его народы ... достигли границ Иерусалимского королевства и устремились к ним, чтобы в них вторгнуться» (цит. по: [19. С. 293]). Основания для таких утверждений имелись: нойон Китбуга требовал срыть стены крепостей²¹, в Европу шли просьбы о

²¹ Рашид ад-Дин пишет о приказе Хулагу, отданном еще в 1257 г. нойону Байджу: «Надобно тебе пойти и отвоевать те владения до берегов Западного моря из рук потомков франков...»

незамедлительной помощи, в отсутствие которой «франки» предпочли принять сторону египетского султана [17. Р. 117]. Однако к указанному времени большая часть монгольских войск во главе с Хулагу уже покинула Сирию, а оставшиеся были разбиты мамлюками. Королевство перестало существовать только в 1291 г. под ударами своих бывших египетских союзников.

Нападение на Сирию. Пожалуй, русский архиепископ Петр был единственным, кто после страшных событий 1241–1242 гг. проинформировал европейцев о дальнейших замыслах монголов, направленных на Ближний Восток: «Тесиркан пошел против вавилонян, Чурикан – против тюрков, Бататаркан остался в Орнаке и послал вождей своих против Руссии, Польши и Венгрии и многих других королевств. И эти трое со своими многочисленнейшими полчищами замышляют напасть на соседние части Сирии» [12. С. 151]. Это сообщение датируется 1244 г., когда на ближневосточном театре военных действий монголы под предводительством нойона Ясаура вторглись в Сирию и потребовали подчинения у айюбидских правителей Дамаска, Алеппо, Хомы и Химса, а также у князя Антиохии Боэмунда V (1233–1252), но в итоге ушли ни с чем. Таким образом, информация Петра оказалась верной. Вообще следует заметить, что Петр проявил себя как человек, хорошо разбирающийся в вопросах, касающихся монголов, и его информированность резко контрастирует с составителями русских летописей, очень скупыми на подробности относительно этих номадов.

Распад Монгольской империи ограничил военный потенциал монголов и сделал возможным проведение независимой политики правителями ее улусов. Разумеется, имперская идеология не была сразу забыта, но она начала быстро утрачивать свою категоричность, и уже в 1262 г. принявший ислам Берке обратился к египетскому султану Аз-Захиру Бейбарсу аль-Бундукдари (1260–1277) как к равному с предложением военного союза против Хулагу. В свою очередь, и сам Хулагу, и его потомки в сношениях с Европой остерегались навязывать собственное безусловное превосходство. По мнению французского медиевиста Ж. Ришара, ильханы отбросили имперскую программу, и их политика ограничивалась желанием вырвать Сирию из рук мамлюков [47. Р. 56].

Нападение на Египет. Маловероятно, чтобы земля Египта представляла для монголов какую-то ценность, но не приходится сомневаться в их желании уничтожить военную верхушку страны, состоявшую, по монгольским представлениям, из их беглых рабов – кыпчаков, ставших к тому же союзниками джучидских врагов Ильханата. Об этом прямо говорит Гайтон, хорошо ориентированный в ближневосточной политике тех лет: «Татары не сражаются с султаном Египта, чтобы овладеть его городами или областями, несмотря на то, что вся Азия подчиняется им, а только потому, что султан, всегда являясь их основным врагом, нанес им больше ущерба, чем любой другой противник, особенно тогда, когда они воевали с другими своими соседями»

[46. С. 33]. В реальности, этот приказ либо не звучал вовсе, либо по каким-то причинам не был выполнен.

(цит. по: 48. С. 21). Поэтому замыслы нападения на Египет в Ильханате, скорее всего, вынашивались, но вряд ли когда-либо реально ставились на повестку дня. Сначала нужно было разбить силы мамлюков в Сирии, а это удавалось не всегда. Последнего крупного успеха монголы достигли под знаменами ильхана Газана (1295–1304) на рубеже 1299–1300 гг., когда, после сокрушительного поражения 22 декабря 1299 г. под Хомсом египетского султана Мухаммада I ан-Насира, Сирия и Палестина оказались беззащитными перед монголами, путь в Египет был для них открыт, однако они не воспользовались этой возможностью. По-видимому, отголоском именно этих событий явилось упоминание в письме Джакомо Феррарского от 14 февраля 1300 г. о намерении «татар» идти в Египет [17. Р. 190].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Оллсен Т.Т.* Прелюдия к западным походам: монгольские военные операции в Волго-Уральском регионе в 1217–1237 годах // *Степи Европы в эпоху средневековья*. Т. 6: Золотоордынское время. Донецк: Изд-во ДонНУ, 2008. С. 351–362.
- [2] *Майоров А.В.* Завершающий этап западного похода монголов: военная сила и тайная дипломатия // *Золотоордынское обозрение*. 2015. № 1. С. 68–94.
- [3] *Майоров А.В.* Завершающий этап западного похода монголов: военная сила и тайная дипломатия // *Золотоордынское обозрение*. 2015. № 2. С. 21–50.
- [4] *Хаутала Р.* В землях «Северной Тартарии»: Сведения латинских источников о Золотой Орде в правление хана Узбека (1313–1341). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019.
- [5] *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т. I. Кн. 1 / Пер. Л.А. Хетагурова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952.
- [6] Книга Марко Поло // *Путешествия в восточные страны*. М.: Мысль, 1997. С. 190–380.
- [7] *Козин С.А.* Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941.
- [8] *Рязановский В.А.* Монгольское право (преимущественно обычное). Исторический очерк. Харбин: Типография Н.Е. Чинарева, 1931.
- [9] *Юрченко А.Г.* Историческая география политического мифа. Образ Чингис-хана в мировой литературе XIII–XV вв. СПб.: Евразия, 2006.
- [10] Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы францисканской миссии 1245 года. «История Тартар» брата Ц. де Бридиа / Критич. текст, пер. С.В. Аксенова и А.Г. Юрченко. Экспозиция, исслед. и указ. А.Г. Юрченко. СПб.: Евразия, 2002.
- [11] *Жуанвиль Ж. де.* Книга благочестивых речений и добрых деяний нашего святого короля Людовика / Пер. Г.Ф. Цыбулько. СПб.: Евразия, 2007.
- [12] *Матузова В.И.* Английские средневековые источники IX–XIII вв. Тексты, перевод, комментарий. М.: Наука, 1979.
- [13] *Хаутала Р.* От «Давида, царя Индий» до «Ненавистного плебса сатаны». Антология ранних латинских сведений о татаро-монголах. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015.
- [14] *Винцент из Бове.* Великое зеркало / Пер. Н. Горелова // *Книга странствий*. СПб.: Азбука-классика, 2006. С. 79–116.
- [15] *Biran M.* Chinggis Khan. Oxford: Oneworld Publications, 2007.
- [16] *Maierov A. V.* They Intend to Come and Attack Rome...: The Real and Sacred Spaces of the Mongol Conquests (в печати).

- [17] *Jackson P.* The Mongols and the West, 1221–1410. London; New York: Routledge, 2014.
- [18] *Фома Сплитский.* История архиепископов Салоны и Сплита / Пер. О.А. Акимовой. М.: Индрик, 1997.
- [19] *Хаутала Р.* От Бату до Джанибека: военные конфликты Улуса Джучи с Польшей и Венгрией // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4. № 2. С. 272–313.
- [20] *Хаутала Р.* От Бату до Джанибека: военные конфликты Улуса Джучи с Польшей и Венгрией // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4. № 3. С. 485–528.
- [21] *Rogers G.S.* An Examination of Historians' Explanations for the Mongol Withdrawal from East Central Europe // *East European Quarterly*. 1996. Vol. 30. № 1. P. 3–26.
- [22] *Pow L.S.* Deep Ditches and Well-built Walls: A Reappraisal of the Mongol Withdrawal from Europe in 1242. A thesis submitted to the faculty of graduate studies in partial fulfilment of the requirements for the degree of Master of Arts. Calgary, 2012.
- [23] *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941.
- [24] *Почекаев Р.Ю.* Батый. Хан, который не был ханом. М.: АСТ, 2006.
- [25] *Храпачевский Р.П.* К вопросу о так называемом «списке покоренных народов» Восточной Европы в «Сокровенном сказании монголов» (1240 г.) // *Studia Historica Europae Orientalis*. 2013. № 6. С. 91–102.
- [26] *Райт Дж.К.* Географические представления в эпоху крестовых походов: Исследование средневековой науки и традиции в Западной Европе / Пер. с англ. М.А. Кабанова. М.: Наука, 1988.
- [27] *Плано Карпини.* История монгалов // Путешествия в восточные страны. М.: Мысль, 1997. С. 29–85.
- [28] *Guztan G.* The Encyclopedist Vincent of Beauvais and His Mongol Extracts from John of Plano Carpini and Simon of Saint-Quentin // *Speculum*. 1974. Vol. 49. № 2. P. 287–307.
- [29] *Савченко С.В.* Письмо магистра тамплиеров к Людовику Св. о вторжении татар в Западную Европу // Киевские университетские известия. 1919. № 1–4. С. 1–4.
- [30] *Магистр Рогерий.* Горестная песнь о разорении Венгерского королевства татарами / Пер. А.С. Досаева. СПб.: Дмитрий Буланин, 2012.
- [31] *Рыкин П.О.* Создание монгольской идентичности: термин «монгол» в эпоху Чингисхана // Вестник Евразии. 2002. № 1 (16). С. 48–85.
- [32] *Дробышев Ю.И.* Монгольская имперская идеология: понятийный аппарат исследования // Кочевые империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований: Сборник научных статей IV международного конгресса средневековой археологии евразийских степей, посвященного 100-летию российской академической археологии (Улан-Удэ, 16–21 сентября 2019 г.). Кн. 2 / Отв. ред. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2019. С. 28–31.
- [33] *Lupprian K.-E.* Die Beziehungen der Päpste zu islamischen und mongolischen Herrschern im 13 Jahrhundert anhand ihres Briefwechsels. Città del Vaticano, 1981.
- [34] *Ruotsala A.* Europeans and Mongols in the Middle of the Thirteenth Century: Encountering the Other. Helsinki: The Finnish Academy of Science and Letters, 2001.
- [35] *Гильом де Рубрук.* Путешествие в восточные страны // Путешествия в восточные страны. М.: Мысль, 1997. С. 86–189.
- [36] *Somer T.* Forging the Past: Facts and Myths behind the Mongol Invasion of Moravia in 1241 // Золотоордынское обозрение. 2018. Vol. 6. № 2. С. 238–251.
- [37] *Sophoulis P.* The Mongol Invasion of Croatia and Serbia in 1242 // *Fragmenta Hellenoslavica*. 2015. Vol. 2. P. 251–277.
- [38] *Meuvaert P.* An Unknown Letter of Hulagu, Il-Khan of Persia, to King Louis IX of France // *Viator*. 1980. Vol. 2. P. 245–261.

- [39] *Гайтон*. Цветник историй стран Востока / Пер. Н. Горелова // Книга странствий. СПб.: Азбука-классика, 2006. С. 211–274.
- [40] *Генрих Латвийский*. Хроника Ливонии / Пер. С.А. Аннинского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938.
- [41] *Maierov A.V.* The first Mongol Invasion of Europe: Goals and Results (в печати).
- [42] *Каргалов В.В.* Монголо-татарское нашествие на Русь. XIII век. М.: Просвещение, 1966.
- [43] Великая хроника о Польше, Руси и их соседях XI–XIII вв. / Под ред. В.Л. Янина. М.: Изд-во МГУ, 1987.
- [44] *Rady M.* The Mongol Invasion of Hungary // *Mediaeval World*. 1991. Vol. 3. P. 39–46.
- [45] Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1908.
- [46] *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т. III / Пер. А.К. Арендса. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946.
- [47] *Richard J.* The Mongols and the Franks // *Journal of Asian History*. 1969. Vol. 3. № 1. P. 45–57.
- [48] *Николов А.* Образ татаро-монголов Золотой Орды и ильханов в сочинениях пропагандистов крестовых походов (конец XIII – начало XIV вв.) // Золотоордынское обозрение. 2015. № 4. С. 14–28.
- [49] *Мэй Т.* Монголы и мировые религии в XIII веке // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. С. 424–443.
- [50] *Guzman G.* Simon of Saint-Quentin and the Dominican Mission to the Mongol Baiju: A Reappraisal // *Speculum*. 1971. Vol. 46. № 2. P. 232–249.
- [51] *Салимбене де Адам*. Хроника / Пер. и комм. И.С. Култышевой и др. М.: РОССПЭН, 2004.
- [52] *DeWeese D.* The Influence of the Mongols on the Religious Consciousness of Thirteenth Century Europe // *Mongolian Studies*. Bloomington, 1978–1979. Vol. 5. P. 41–78.
- [53] *Grant B.C.* The Mongol Invasions between Epistolography and Prophecy: the Case of the Letter “Ad Flagellum”, с. 1235/36–1338 // *Traditio*. 2018. Vol. 73. P. 117–177.
- [54] *Юрасов М.* Восприятие венграми монголо-татар во время походов орд Бату в Европу // Альманах по истории Средних веков и раннего Нового времени. Нижний Новгород, 2011. Вып. 2. С. 51–69.
- [55] Книга странствий. СПб.: Азбука-классика, 2006.
- [56] *Альберт Штаденский*. Анналы / Пер. И.В. Дьяконова. М.: Русская панорама, 2020.
- [57] *Мункуев Н.Ц.* Китайский источник о первых монгольских ханах. М.: Наука, 1965.
- [58] *Дробышев Ю.И., Юрченко А.Г.* «Заповедники смерти» Монгольской империи // Сибирский сборник-1: Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. Кн. 2 / Отв. ред. Л.Г. Павлинская. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 160–169.
- [59] Путешествия в восточные страны. М., 1997.
- [60] Армянские источники о монголах / Пер. А.Г. Галстяна. М.: Восточная литература, 1962.
- [61] *Bezzola G.A.* Die Mongolen in abendländischer Sicht (1220–1270): ein Bei-trag zur Frage der Volkerbegegnungen. Bern, 1974.
- [62] *Klopprogge A.* Ursprung und Ausprägung des abendländischen Mongolen-bildes im 13. Jahrhundert: ein Versuch zur Ideengeschichte des Mittelalters. Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag, 1993.
- [63] *Schmieder F.* Europa und die Fremden: die Mongolen im Urteil des Abendlandes vom 13. bis in das 15. Jahrhundert. Sigmaringen: Thorbecke, 1994.

- [64] Майоров А.В. К вопросу об исторической основе и источниках «Повести о убиении Батгя» // Средневековая Русь. Вып. 11. Проблемы политической истории и источниковедения / Отв. ред. А.А. Горский. М.: Индрик, 2014. С. 105–147.
- [65] Laszlovszky J., Pow S., Romhányi B.F., Ferenczi L., Pinke Z. Contextualizing the Mongol Invasion of Hungary in 1241–42: Short- and Long-Term Perspectives // *Hungarian Historical Review*. 2018. Vol. 7. № 3. P. 419–450.
- [66] Камалов И.Х. Отношения Золотой Орды с Болгарским княжеством // Золотоордынская цивилизация. 2011. Вып. 4. С. 35–39.
- [67] Узелац А. Сербские письменные источники о татарах и Золотой орде (первая половина XIV в.) // Золотоордынское обозрение. 2014. № 1. С. 101–118.
- [68] Узелац А. Под сенком пса: Татари и јужнословенске земље у другој половини XIII века. Београд: Утопија, 2015.
- [69] Дробышев Ю.И. Кыргызы в Центральной Азии (IX в.) // Восток (Oriens). 2010. № 6. С. 102–109.

REFERENCES

- [1] Ollsen TT. Preljudiya k zapadnym pohodam: mongol'skie voennye operacii v Volgo-Ural'skom regione v 1217–1237 godah [Prelude to Western campaigns: Mongol military operations in the Volga-Ural region in 1217–1237]. *Stepi Evropy v epohu srednevekov'ya. T. 6: Zolotoordynskoe vremya [Steppes of Europe in the Middle Ages. Vol. 6: The Golden Horde time]*. Donetsk: Izdatel'stvo DonNU, 2008. P. 351–362 (in Russian).
- [2] Mayorov AV. Zavershayushchij etap zapadnogo pohoda mongolov: voennaya sila i tajnaya diplomatiya [The final stage of the Western campaign of the Mongols: military power and secret diplomacy]. *Zolotoordynskoe obozrenie [The Golden Horde Review]*. 2015; (1). P. 68–94 (in Russian).
- [3] Mayorov AV. Zavershayushchij etap zapadnogo pohoda mongolov: voennaya sila i tajnaya diplomatiya [The final stage of the Western campaign of the Mongols: military power and secret diplomacy]. *Zolotoordynskoe obozrenie [The Golden Horde Review]*. 2015; (2). P. 21–50 (in Russian).
- [4] Hautala RV. zemlyah «Severnoj Tartarii»: Svedeniya latinskih istochnikov o Zolotoj Orde v pravlenie hana Uzbeka (1313–1341) [In the lands of "Northern Tartary": Information from Latin sources about the Golden Horde in the reign of Khan Uzbek (1313–1341)]. Kazan': Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 2019 (in Russian).
- [5] Rashid al-Din. *Sbornik letopisej [Collection of Chronicles]*. Vol. I. Book 1. Tr. by. LA. Khetagurov. Moscow; Leningrad: AN SSSR publ., 1952 (in Russian).
- [6] Kniga Marko Polo [The book of Marco Polo]. *Puteshestviya v vostochnye strany [Travels to Eastern countries]*. Moscow: Mysl' publ., 1997. P. 190–380 (in Russian).
- [7] Kozin S.A. *Sokrovennoe skazanie. Mongol'skaya hronika 1240 g. [The Secret History. Mongolian Chronicle of 1240]*. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1941 (in Russian).
- [8] Riazanovskiy VA. *Mongol'skoe pravo (preimushchestvenno obychnoe). Istoricheskij ocherk [Mongolian law (mainly customary). Historical essay]*. Harbin: Tipografiya NE. Chinareva, 1931 (in Russian).
- [9] Yurchenko AG. *Istoricheskaya geografiya politicheskogo mifa. Obraz Chingis-hana v mirovoj literature XIII–XV vv. [Historical geography of the political myth. The image of Genghis Khan in the world literature of the XIII-XV centuries]*. St. Petersburg: Evraziya publ., 2006 (in Russian).
- [10] Hristianskij mir i «Velikaya Mongol'skaya imperiya». Materialy franciskanskoj missii 1245 goda. «Istoriya Tartar» brata C. de Bridia [The Christian World and the “Great

- Mongol Empire”. Materials of the Franciscan mission of 1245. “The History of Tartary” by Brother C. de Bridia] Critic. text, trans. by SV. Aksenov and AG. Yurchenko. Exposure, research, and index by AG. Yurchenko. St. Petersburg: Evraziya, 2002 (in Russian).
- [11] Jean de Joinville. *Kniga blagochestivyh rechenij i dobryh deyanij nashego svyatogo korolya Lyudovika* [The Book of Pious speeches and good deeds of our holy King Louis]. Tr. by G.F. Tsybulko. Saint Petersburg: Evraziya publ., 2007 (in Russian).
- [12] Matuzova VI. *Anglijskie srednevekovye istochniki IX–XIII vv. Teksty, perevod, kommentarij* [English medieval sources of the IX–XIII centuries. Texts, translation, commentary]. Moscow: Nauka publ., 1979 (in Russian).
- [13] Hautala R. *Ot «Davida, tsarya Indij» do «Nenavistnogo plebsa satany»*. *Antologiya rannih latinskih svedenij o tataro-mongolah* [From “David, King of the Indies” to “The Hated Plebs of Satan”. An anthology of early Latin information about the Tatar-Mongols]. Kazan’: Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 2015 (in Russian).
- [14] Vinsent iz Bove. Velikoe zertsalo [Great Mirror]. *Kniga stranstvij* [Book of wanderings]. Tr. by N. Gorelov. St. Petersburg: Azbuka-klassika publ., 2006. P. 79–116 (in Russian).
- [15] Biran M. Chinggis Khan. Oxford: Oneworld Publications, 2007.
- [16] Maiorov AV. They Intend to Come and Attack Rome...: The Real and Sacred Spaces of the Mongol Conquests (in print).
- [17] Jackson P. *The Mongols and the West, 1221–1410*. London; New York: Routledge, 2014.
- [18] Foma Splitskij. *Istoriya arhiepiskopov Salony i Splita* [History of the Archbishops of Salona and Split]. Tr. by OA Akimova. Moscow: Indrik, 1997 (in Russian).
- [19] Hautala R. Ot Batu do Dzhaniybeka: voennye konflikty Ulusa Dzhuchi s Pol’shej i Vengrijej [From Batu to Janibek: military conflicts of the Ulus of Jochi with Poland and Hungary]. *Zolotoordynskoe obozrenie* [The Golden Horde Review]. 2016; V. 4; (2). P. 272–313 (in Russian).
- [20] Hautala R. Ot Batu do Dzhaniybeka: voennye konflikty Ulusa Dzhuchi s Pol’shej i Vengrijej [From Batu to Janibek: military conflicts of the Ulus of Jochi with Poland and Hungary]. *Zolotoordynskoe obozrenie* [The Golden Horde Review]. 2016. 4; (3). P. 485–528 (in Russian).
- [21] Rogers GS. An Examination of Historians’ Explanations for the Mongol Withdrawal from East Central Europe. *East European Quarterly*, 1996. Vol. 30; (1). P. 3–26.
- [22] Pow LS. Deep Ditches and Well-built Walls: A Reappraisal of the Mongol Withdrawal from Europe in 1242. A thesis submitted to the faculty of graduate studies in partial fulfilment of the requirements for the degree of Master of Arts. Calgary, 2012.
- [23] Tizengauzen VG. *Sbornik materialov, otosyashchihysya k istorii Zolotoj Ordy* [Collection of materials related to the history of the Golden Horde]. Vol. II. Moscow; Leningrad: Izdatel’stvo AN SSSR, 1941 (in Russian).
- [24] Pochekaev RYu. Batyj. Han, kotoryj ne byl hanom [Baty. The khan, who was not a khan]. Moscow: AST publ., 2006 (in Russian).
- [25] Khrapachevsky RP. K voprosu o tak nazyvaemom «spiske pokorenyh narodov» Vostochnoj Evropy v «Sokrovennom skazanii mongolov» (1240 g.) [On the question of the so-called “List of conquered peoples” of Eastern Europe in the “Secret History of the Mongols” (1240)]. *Studia Historica Europae Orientalis*. 2013; (6). P. 91–102 (in Russian).
- [26] Rajt JK. Geograficheskie predstavleniya v epohu krestovyh pohodov: Issledovanie srednevekovoj nauki i tradicii v Zapadnoj Evrope [Geographical representations in the Era of the Crusades: A study of Medieval science and tradition in Western Europe]. Tr. by MA Kabanov. M.: Nauka, 1988 (in Russian).

- [27] Plano Carpini. Istoriya mongalov [History of the Mongols]. *Puteshestviya v vostochnye strany* [Travel to Eastern countries]. Moscow: Mysl' publ., 1997. P. 29–85 (in Russian).
- [28] Guzman G. The Encyclopedist Vincent of Beauvais and His Mongol Extracts from John of Plano Carpini and Simon of Saint-Quentin. *Speculum*. 1974. Vol. 49. (2). P. 287–307.
- [29] Savchenko SV. Pis'mo magistra tamplierov k Lyudoviku Sv. o vtorzhenii tatar v Zapadnuyu Evropu [A Letter of the Master of the Templars to St. Louis on the invasion of the Tatars into Western Europe]. *Kievskie universitetskie izvestiya* [Kiev University News]. 1919. (1–4). P. 1–4 (in Russian).
- [30] Magistr Rogerij. *Gorestnaya pesn' o razorenii Vengerskogo korolevstva tatarami* [Lament about the destruction of the Hungarian kingdom by the Tatars]. Tr. by AS Dosaev. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2012 (in Russian).
- [31] Rykin PO. Sozdanie mongol'skoj identichnosti: termin «mongol» v epohu Chingiskhana [Creation of the Mongolian identity: the term “Mongol” in the era of Genghis Khan]. *Vestnik Evrazii* [Bulletin of Eurasia]. 2002. 1(16). P. 48–85 (in Russian).
- [32] Drobyshev YuI. Mongol'skaya imperskaya ideologiya: ponyatijnyj apparat issledovaniya [Mongolian Imperial ideology: conceptual framework of the study]. *Kochevye imperii Evrazii v svete arheologicheskikh i mezhdisciplinarnykh issledovanij: Sbornik nauchnykh statej IV mezhdunarodnogo kongressa srednevekovoj arheologii evrazijskikh stepej, posvyashchennogo 100-letiyu rossijskoj akademicheskoy arheologii (Ulan-Ude, 16–21 sentyabrya 2019 g.)* [Nomadic Empires of Eurasia in the light of archaeological and interdisciplinary investigations: Proceedings of the IV International Congress on the Medieval Archaeology of the steppes, dedicated to 100 years Russian Archeology (Ulan-Ude, September 16–21, 2019)]. Book 2. Ed. by B.V. Bazarov, NN Kradin. Ulan-Ude: Izdatel'stvo BNTs SO RAN, 2019. P. 28–31 (in Russian).
- [33] Lupprian K.-E. *Die Beziehungen der Päpste zu islamischen und mongolischen Herrschern im 13 Jahrhundert anhand ihres Briefwechsels*. Città del Vaticano, 1981.
- [34] Ruotsala A. *Europeans and Mongols in the Middle of the Thirteenth Century: Encountering the Other*. Helsinki: The Finnish Academy of Science and Letters, 2001.
- [35] Guillaume de Rubruk. *Puteshestvie v vostochnye strany* [Travel to the Eastern countries]. *Puteshestviya v vostochnye strany* [Travels to the Eastern countries]. Moscow: Mysl', 1997. P. 86–189 (in Russian).
- [36] Somer T. Forging the Past: Facts and Myths behind the Mongol Invasion of Moravia in 1241. *The Golden Horde Review*. 2018. Vol. 6. (2). P. 238–251.
- [37] Sophoulis P. The Mongol Invasion of Croatia and Serbia in 1242. *Fragmenta Hellenoslavica*. 2015. Vol. 2. P. 251–277.
- [38] Meyvaert P. An Unknown Letter of Hulagu, Il-Khan of Persia, to King Louis IX of France. *Viator*. 1980. Vol. 2. P. 245–261.
- [39] Gajton. *Cvetnik istorij stran Vostoka* [Flower garden of stories of the East]. *Kniga stranstvij* [Book of travels]. Tr. by N Gorelov. St. Petersburg: Azbuka-klassika, 2006. P. 211–274 (in Russian).
- [40] Genrih Latvijskij. *Hronika Livonii* [Chronicle of Livonia]. Tr. by SA. Anninskiy. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1938 (in Russian).
- [41] Maiorov AV. The first Mongol Invasion of Europe: Goals and Results (in print).
- [42] Kargalov VV. *Mongolo-tatarskoe nashestvie na Rus'. XIII vek* [Mongol-Tatar invasion of Russia. XIII century]. Moscow: Prosveshchenie publ., 1966 (in Russian).
- [43] Velikaya hronika o Pol'she, Rusi i ih sosedyah XI–XIII vv. [The Great Chronicle on Poland, Russia and their neighbors of the XI–XIII centuries]. Ed. by VL. Yanina. Moscow: Izdatel'stvo MGU, 1987 (in Russian).
- [44] Rady M. The Mongol Invasion of Hungary. *Mediaeval World*, 1991. Vol. 3. P. 39–46.

- [45] Polnoe sobranie russkikh letopisej. Т. 2. Ipat'evskaya letopis' [The complete collection of Russian chronicles. Vol. 2. Hypatian chronicle]. St. Petersburg: Tipografiya MA. Aleksandrova, 1908 (in Old Russian).
- [46] Rashid al-Din. *Sbornik letopisej [Collection of Chronicles]*. Vol. III. Tr. by. AK. Arends. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1952 (in Russian).
- [47] Richard J. The Mongols and the Franks. *Journal of Asian History*, 1969. Vol. 3. (1). P. 45–57.
- [48] Nikolov A. Obraz tataro-mongolov Zolotoj Ordy i il'hanov v sochineniyah propagandistov krestovyh pohodov (konets XIII – nachalo XIV vv.) [The image of the Tatar-Mongols of the Golden Horde and the Ilkhans in the writings of propagandists of the Crusades (late XIII – early XIV centuries). *Zolotoordynskoe obozrenie [The Golden Horde Review]*. 2015. No. 4. P. 14–28 (in Russian).
- [49] Mej T. Mongoly i mirovye religii v XIII veke [Mongols and World religions in the XIII century]. *Mongol'skaya imperiya i kochevoj mir [The Mongolian Empire and Nomadic world]*. Ulan-Ude: Izdatel'stvo BNTs SO RAN, 2004. P. 424–443 (in Russian).
- [50] Guzman G. Simon of Saint-Quentin and the Dominican Mission to the Mongol Baiju: A Reappraisal. *Speculum*, 1971. Vol. 46. No. 2. P. 232–249.
- [51] Salimbene de Adam. *Hronika [Chronika]*. Tr. by I.S. Kultysheva. Moscow: ROSSPEN, 2004 (in Russian).
- [52] DeWeese D. The Influence of the Mongols on the Religious Consciousness of Thirteenth Century Europe. *Mongolian Studies*. Bloomington, 1978–1979. Vol. 5. P. 41–78.
- [53] Grant BC. The Mongol Invasions between Epistolography and Prophecy: the Case of the Letter “Ad Flagellum”, c. 1235/36–1338. *Traditio*. 2018. Vol. 73. P. 117–177.
- [54] Yurasov M. Vospriyatie vengrami mongolo-tatar vo vremya pohodov ord Batu v Evropu [Perception by Hungarians of the Mongol-Tatars during the campaigns of Batu Hordes to Europe]. *Al'manah po istorii Srednih vekov i rannego Novogo vremeni [Almanac on the history of the Middle Ages and Early Modern times]*. Nizhnij Novgorod, 2011. Issue 2. P. 51–69 (in Russian).
- [55] *Kniga stranstvij [The Book of wanderings]*. St. Petersburg: Azbuka-klassika, 2006 (in Russian).
- [56] Al'bert Shtadenskij. *Annaly [Annals]*. Tr. by IV. D'yakonov. Moscow: Russkaya panorama, 2020 (in Russian).
- [57] Munkuev NTs. *Kitajskij istochnik o pervyh mongol'skikh hanah [Chinese source about the first Mongol khans]*. Moscow: Nauka, 1965 (in Russian).
- [58] Drobyshev Yu.I., Yurchenko AG. «Zapovedniki smerti» Mongol'skoj imperii [“Death Reserves” of the Mongolian Empire]. *Sibirskij sbornik-1: Pogrebal'nyj obryad narodov Sibiri i sopredel'nyh territorij [Siberian collection-1: The funeral rite of the peoples of Siberia and adjacent territories]*. Book 2. Ed. by LG. Pavlinskaya. St. Petersburg: MAE RAN, 2009. P. 160–169 (in Russian).
- [59] *Puteshestviya v vostochnye strany [Travels to Eastern countries]*. Moscow, 1997 (in Russian).
- [60] *Arмянские источники о монголах [Armenian sources about the Mongols]*. Tr. AG. Galstyan. Moscow: Vostochnaya literatura publ., 1962 (in Russian).
- [61] Bezzola GA. *Die Mongolen in abendländischer Sicht (1220–1270): ein Bei-trag zur Frage der Volkerbegegnungen*. Bern, 1974.
- [62] Klopprogge A. *Ursprung und Ausprägung des abendländischen Mongolen-bildes im 13. Jahrhundert: ein Versuch zur Ideengeschichte des Mittelalters*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag, 1993.
- [63] Schmieder F. *Europa und die Fremden: die Mongolen im Urteil des Abendlandes vom 13. bis in das 15. Jahrhundert*. Sigmaringen: Thorbecke, 1994.

- [64] Mayorov AV. K voprosu ob istoricheskoy osnove i istochnikah «Povesti o ubienii Batyya» [To the question on the historical basis and sources of “The tale on the murder of Batu]. *Srednevekovaya Rus’. Vypusk 11. Problemy politicheskoy istorii i istochnikovedeniya* [Medieval Rus’. Vol. 11. Problems of political history and source studies]. Ed. by AA. Gorskiy. Moscow: Indrik, 2014. P. 105–147 (in Russian).
- [65] Laszlovszky J., Pow S., Romhányi BF., Ferenczi L., Pinke Z. Contextualizing the Mongol Invasion of Hungary in 1241–42: Short- and Long-Term Perspectives. *Hungarian Historical Review*, 2018. Vol. 7. (3). P. 419–450.
- [66] Kamalov IH. Otnosheniya Zolotoj Ordy s Bolgarskim knyazhestvom [Relations of the Golden Horde with the Bulgarian Principality]. *Zolotoordynskaya civilizaciya* [The Golden Horde civilization]. 2011. Issue 4. P. 35–39 (in Russian).
- [67] Uzelats A. Serbskie pis'mennye istochniki o tatarah i Zolotoj orde (pervaya polovina XIV v.) [Serbian written sources about the Tatars and the Golden Horde (the first half of the XIV century)]. *Zolotoordynskoe obozrenie* [The Golden Horde Review]. 2014. (1). P. 101–118 (in Russian).
- [68] Uzelats A. Pod senkom psa: Tatari i juzhnoslovenske zemle u drugoj polovini XIII veka [Under the shadow of a dog: Tatars and South Slavic lands in the second half of the XIII century]. Beograd: Utopija, 2015 (in Serbian).
- [69] Drobyshev YuI. Kyrgyzy v Central'noj Azii (IX v.) [Kyrgyzs in Inner Asia (IX century)]. *Vostok (Oriens)*. 2010. No. 6. P. 102–109 (in Russian).

Информация об авторе:

Дробышев Юлий Иванович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела Истории Востока Института востоковедения РАН, г. Москва, e-mail: altanus@mail.ru

Information about the author:

Drobyshev Yuliy I. – PhD in History, senior researcher of the Department of the History of East, the Institute of Oriental studies RAS, Moscow, e-mail: altanus@mail.ru